

Михаил ИШКОВ

АДРИАН

Серия исторических романов

Михаил Ишков

Адриан

«ВЕЧЕ»

2016

Ишков М. Н.

Адриан / М. Н. Ишков — «ВЕЧЕ», 2016 — (Серия исторических романов)

Публий Элий Адриан – ключевая фигура Золотого века римской истории, придавшая сложившейся еще во времена Октавиана Августа форме самовластия неслыханный до той поры размах как в делах добродетельных и великих, так и в самых злодейских и постыдных. Именно Адриан подарил миру то, что мы теперь называем римским правом. С него начинается традиция правового регулирования любого возможного конфликта между людьми. Также велик он был и в строительных делах – от государственного устройства до создания самых известных памятников древности. Сохранившийся до наших дней Пантеон – его рук дело; кроме того, он укрепил границы Рима, основал новые города, которые процветают и в наше время. В мировую историю Адриан вошел как один из самых главных врагов Иудеи. Он сровнял с землей Иерусалим, рассеял евреев, а на месте Иудейского царства учредил провинцию.

Содержание

Об авторе	5
Часть I. Смертельная схватка	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	34
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Михаил Ишков

Адриан. Имя власти

Об авторе

Современный русский писатель Михаил Никитович Ишков родился в 1947 году в Германии в семье офицера Красной армии. Но по возвращении в Советское государство его отец указал в анкетных данных другое место рождения сына – село Михайловка в Алтайском крае. После войны в подобной ситуации так поступали многие красноармейцы, чтобы не портить биографию своим детям.

С 1951 года семья поселилась под Москвой, в Подольске. Здесь будущий писатель закончил среднюю школу. В 1969 году, после учебы в московском вузе, Михаил получил диплом инженера-аэрофотогеодезиста и отправился работать на Север, в Ухту. В 1972 году вернулся в город своего детства и, замыкая круг, устроился на родной завод, возле стен которого вырос. Тогда же поступил в Литературный институт им. М. Горького на заочный факультет, а после его окончания в 1983 году работал в издательстве «Современник». В 1990 году перешел в издательство «Советский писатель», здесь трудился до 1992 года в должности старшего редактора, заместителя заведующего редакцией русской советской прозы, заведующего редакцией. Серьезным литературным дебютом Михаила Ишкова можно считать сборник повестей и рассказов «Краеугольный камень», вышедший в 1991 году.

С перестройкой основная издательская карьера закончилась, наступили трудные времена. Приходилось браться за разную работу, включая торговлю, а заодно и заниматься переводами с английского популярных фантастических романов. За эти годы Михаил убедился, что самое главное в жизни – согласие с самим собой, вот почему, как рассказывает сам писатель, он наконец решился воплотить в жизнь свою заветную мечту – написать исторический роман. В 1998 году вышла его первая книга о Кортесе, а следом – роман о таинственном графе Сен-Жермене. Затем в поисках радости Михаил Ишков отправился в литературное путешествие по древнему Вавилону и воинственной Ассирии, о чем составил многостраничные описания в романах «Навуходоносор», «Валтасар. Падение Вавилона» и «Семирамида. Золотая чаша». Творческий визит писателя в Древний Рим пришелся на самое захватывающее и непостижимое время, названное потомками «Золотым веком». Это столетие от воцарения Траяна и до гибели Коммода оказалось первым в истории человечества отрезком, когда подданные подпали под власть самых образованных и мудрых правителей. Их было пятеро – знаменитый Траян-законник, его последователь, строитель Пантеона и поэт Адриан, рассудительный и самый незлобивый из императоров Антонин Пий, философ на троне Марк Аврелий и, как черная клякса на белом, гнусный Коммод, попавший в когорту самых известных злодеев Древнего Рима. Их судьбам Михаил Ишков посвятил несколько больших романов.

Среди других ярких работ писателя – исторические триллеры о самом загадочном человеке двадцатого века Вольфе Мессинге («Супервольф») и не менее загадочном изобретателе Николе Тесле, якобы взорвавшем над Сибирью Тунгусский метеорит («Изобретатель тайн»).

В настоящее время Михаил Ишков по-прежнему живет в Подольске, он полон идей, творческих сил и неустанно продолжает исследовать и преодолевать все новые и новые горные высоты и тайные тропы мировой истории.

Давайте вернемся в Рим, в Траяновы времена, и заглянем в дом всадника Ларция Корнелия Лонга.

Усадьба Лонгов располагалась на Целийском холме неподалеку от широкой мраморной лестницы, ведущей с вершины холма к центру города. Здесь издавна селились римские патриции.

Из забранных решеткой оконных проемов на втором этаже виден амфитеатр Флавиев, или Колизей, Большой цирк и Паладинский дворец. В настоящее время дворец пуст – император Марк Ульпий Траян отправился воевать парфян. Перед отъездом в частной беседе он признался Лонгу: «Пора, дружище! Мне уже под шестьдесят, когда еще до Индии доберусь».

Тогда, два года назад, был октябрь, в Риме шли дожди. Теперь весна, в городе цветут сады. Целий укрылся бело-розовым покрывалом.

Дом Лонгов, по римским меркам, небогат, однако обширный сад за домом славится своими крупными и сладкими вишнями и, конечно, вареньем на меду, которое варили старуха Гармеридида вместе с хозяйкой, совсем одряхлевшей Постумией Лонгой. Все домашние рабы и рабыни проклинали конец весны и богатый урожай – в эти дни их всех сажали выковыривать из вишен косточки. При этом нельзя было повредить плод, иначе посадят на постную кашу и воду.

По соседству с домом Лонгов расположена усадьба сенатора Анния Вера, свояка и приверженца Адриана – тот третий год сидит наместником в Сирии. Далее дворец Гая Клавдия Максима Барбара, тоже сенатора и проконсула, одного из самых богатых людей Рима. Еще дальше вилла Тита Ария Антонина, известного в Риме своей неизменной добродетелью и незлобивым нравом. Сын Лонга Бебий любит играть с сыном Клавдия Максима и сыном Вера в саду. Мальчишки вместе ходят к модному в ту пору в Риме ритору. Тот вколачивает в будущих повелителей мира арифметику, грамматику, заставляет заучивать наизусть отрывки из Гомера, Овидия и Горация.

Случается, использует палку.

Лупит больно, наотмашь, однако головы воспитанников бережет, метит по спинам.

Часть I. Смертельная схватка

Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете – все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве.

А.П. Чехов

Даже эпоха тирании достойна уважения, потому что она является произведением не людей, но человечества, стало быть, имеет творческую природу, которая может быть суровой, но никогда не бывает абсурдной. Если эпоха, в которую мы живем, сурова, мы тем более должны любить ее, пронизывать своей любовью до тех пор, пока не сдвинется тяжелая масса материи, скрывающей существующий с ее обратной стороны свет.

Вальтер Ратенау¹

Зима неизбежна. Между осенью и весной неизбежна зима.

Автор

Глава 1

Императорский гонец отыскал отставленного от армии префекта Ларция Корнелия Лонга в банях, куда в канун праздника Геркулеса тот отправился обсудить с друзьями последние новости с Востока.

Утром сегодняшнего дня в Риме огласили официальное сообщение – римские войска с ходу взяли столицу Парфянского царства Ктесифон и расположенную поблизости Селевкию² и двинулись на юг в сторону Харакса. Победа и предсказанное в официальном сообщении скорое окончание войны взбудоражили горожан. Народ сбегался на форум, сенаторы, собравшиеся на ступенях храма Юпитера Капитолийского, провели открытое заседание и единогласно постановили присвоить Марку Ульпию Траяну, Отцу народа, победителю даков и германцев, титул «Парфянского».

В полдень отставной префект одним из первых явился в термы на Эсквилине. Здесь, прогуливаясь по портику в ожидании звонка, оповещающего посетителей о готовности парной, Ларций позволил себе высказать осторожное сомнение в прочности подобных успехов. Настораживала легкость, с какой римские легионы устремились на восток.

Сенатор Анний Вер похлопал всадника по плечу и добродушно съязвил:

– Не поддавайся ревности, Ларций. Мы все ценим тебя за то, что ты совершил. Пусть теперь другие порадают Рим.

Насчет «других» – таких, например, как Квинт Марций Турбон, – у Лонга было особое мнение, однако высказать его он не успел. Со стороны ворот послышался звучный шлепок, вскрик, шум.

¹ Пояснения к тексту, отмеченные цифрой, смотрите в словаре в конце книги.

² Ктесифон был расположен на Тигре, а прямо против него, на противоположном берегу реки, находилась Селевкия на Тигре, основанная полководцем Александра Македонского, Селевком Никатором, в 323 г. до н. э. Ктесифон и Селевкия были взяты летом 116 г.

Императорский сингулярый³, отшвырнув служителя, ступил на мраморный пол портика. Отыскав глазами префекта, протопал в грязных и стоптанных сапожищах в его сторону. Приблизившись, вскинул правую руку, заученно рывкнул:

– Привет тебе, Корнелий Лонг. Император Траян прислал приказ. Наилучший также добавил, чтобы ты не мешкал.

Ларций, справившись с мгновенной оторопью, принял пакет правой – целехонькой – рукой и спросил:

– Приказ секретный?

– Нет.

– Можно вскрыть? – добавил Ларций.

– Так точно, – ответил гвардеец и отступил.

Возле Лонга моментально собралась толпа. Всему Риму было известно, что Ларций был в приятельских отношениях с императором. Кое-кто утверждал, что Траян полагал одного рукового вояку своим единственным другом. Даже если и так, в любом случае получить персональный приказ от правителя мира – это была очень высокая честь.

Ларций осторожно отделил печать и передал ее своему рабу Эвтерму, прогуливавшемуся в компании с хозяином и Вером. Эвтерм был известен в Риме не менее, чем Ларций. Все знали, что император Траян несколько лет назад лично решил его судьбу. Самые знатные и сильные магистраты Рима не считали для себя зазорным видеть его рядом с собой в банях. Эвтерм с поклоном принял печать, отнес в экседру, где передал на хранение распорядителю парной. Глаза у служителя, увидевшего расправившего крылья орла, расширились. Он уже совсем было собрался рухнуть на колени, однако Эвтерм строго глянул на него и предупредил:

– Не вздумай устраивать спектакль. Прими и сохрани.

По настоянию собравшихся Ларций зачитал вслух короткое послание, предписывающее префекту срочно прибыть в действующую армию.

– Более ничего? – спросил кто-то в толпе.

– Все, – кивнул Ларций и показал собравшимся записку.

Все примолкли.

Вечером в дом Лонгов явился префект претория Публий Ацилий Аттиан. Влиятельный магистрат, бывший опекун Адриана, подбодрил Лонга, посоветовал не мешкать и не позднее третьего дня отправляться в путь. Аттиан предупредил, что передаст с Ларцием донесения особой важности, вручить их императору следует из рук в руки.

– Также, – доброжелательно улыбнулся Аттиан, – не в службу, а в дружбу – присмотри за грузом золота, которое по распоряжению Траяна должно быть доставлено в действующую армию? Не возражаешь? Более опытного сопровождающего мне не найти. – Следом уже вполне начальственным тоном распорядился: – Отправишься морем. В Брундизии⁴ тебя будет ждать императорская галера.

«Вот тебе, Ларций, и мартовские иды⁵», – в сердцах решил Лонг, однако отказать префекту города, доверенному лицу императора, не рискнул. Поблагодарил за доверие, за советы, за галеру. Вслед за Аттианом к Лонгам явился один из самых влиятельных сенаторов Гай Авидий Нигрин. О нем говорили, что он возглавляет партию противников Адриана. Этот плотный, бривший голову, грубоватый на язык, всегда готовый разразиться обличительной речью патриций, от которого доставалось всем, даже императору, на этот раз вел себя на

³ Конный гвардеец.

⁴ Порт на восточном побережье Италии. Главные ворота Рима в Грецию и Азию.

⁵ В мартовские иды (15 марта 44 г. до н. э.) заговорщики убили Гая Юлия Цезаря. Выражение означает примерно то же, что и наше родное: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

удивление доброжелательно. Одобрив решение префекта поспешить с отъездом, он стрельнул глазами в прислуживавшую им красивую женщину, наложницу хозяина Зию, спросил:

– Надеюсь, дружище, ты сумеешь совместить полезное с приятным? Возьми эту женщину с собой.

Хозяин отрицательно покачал головой.

– Не хочу обременять ее тяготами путешествия. Она плохо переносит жару, а там, на берегах Тигра, говорят, нестерпимая жара. К тому же у нее много забот по дому.

Нигрин поджал губы.

– Как знаешь. Я бы на твоём месте не забывал о необходимом каждому мужчине развлечении.

Он неожиданно расхохотался и добавил.

– Если, конечно, он мужчина!

Другие посетители, валом повалившие к Лонгам (всем не терпелось взглянуть на чело века, отмеченного особым вниманием принцепса), тоже не скупились на советы.

Все они сводились к одному – не прогадай, Ларций. Траян недаром зовет тебя. Требуй место в сенате, требуй должность наместника. Требуй то, требуй это. Одним словом, не будь размазней, водится за тобой, Ларций, такой порок. Не в меру ты, префект, строптив, порой не воздержан на язык, гибкости не хватает.

Требуй! Выпрашивай! Моли! Хватай удачу!..

От подобных наставлений Ларций совсем загрузил. Пятьдесят лет прожил, каков есть – таков есть. Другое беспокоило – в приказе ни единого слова о возможном задании или назначении. Сингулярный, приглашенный в дом, тоже ничем порадовать не смог. Заявил, что префект гвардейской конницы Квинт Марций Турбон вызвал его, спросил, знаком ли ему прежний префект Корнелий Лонг? Гвардеец кивнул, сказал, что воевал под его командой в Дакии. Тогда Турбон приказал ему явиться в преторий, к вольноотпущеннику императора Ликорме. Там ему вручили пакет, изрядную сумму денег и приказали мчаться в Рим посуху. Что, как, зачем – никто не подсказал, даже Турбон был в неведении. Ликорма, конечно, знал, но известить не соизволил.

Делать было нечего, следовало готовиться к отъезду, а посетители все шли и шли. После полуночи, когда, казалось, поток доброжелателей окончательно иссяк, явился последний гость.

Ларций уже готовился ко сну. Зия, его радость и горе, заплетала косу. В тот момент в дверь поскреблись.

– Кто? – спросил хозяин. В его голосе ясно слышалась досада.

Снаружи послышался робкий старческий голос:

– Это я, господин.

«Прокуратор? Главный распорядитель в доме?.. Ему-то что надо?»

Когда Ларций отворил дверь и с грозным видом шагнул в коридор, прокуратор от страха едва не лишился чувств.

– Зачем скребешься, старик? – гневно спросил хозяин. – Что тебе не спится?

Зия оставила косу, повернула голову и с брезгливым любопытством глянула в сторону двери.

– Прости, господин. Спальник не отважился побеспокоить тебя. Сказал, сам ступай, если такой смелый.

Ларций с нескрываемым раздражением спросил:

– Говори толком, что случилось? Стоит ли дело того, чтобы стучать в дверь, когда я готовлюсь ко сну?

– Мне показалось, стоит, господин. Верю, ты не прикажешь подвергнуть меня, старика, позорному бичеванию. Однажды Лупа уже приходил к нам за полночь...

– Кто?! – изумился хозяин.

– Да, господин, это опять он, дакский строптивец. Он потребовал разбудить тебя. Сказал, что это очень важно.

Зия, сидевшая на постели, обнаженная до пояса, подала голос:

– Сейчас не время, старик. Гони его прочь!

– Кого? – засмеялся прокуратор. – Аквилія Регула Люпусиана? Любимчика Адриана? Одного из первых богачей Рима?

– Нам дела нет до его богатств, добытых нечестным путем! – повысила голос Зия.

– Кому это «нам», женщина? – спросил старик.

Ларций не выдержал, приказал наложнице:

– Помолчи! – Потом задумчиво добавил: – Лупа, говоришь?.. Что ему надо?

– Он не сказал. Пояснил только, что дело срочное, отлагательства не терпит.

– Хорошо, проводи его в кабинет. Разбуди Эвтерма, пусть присутствует.

– А я? – капризно напомнила о себе Зия.

– А ты ложись спать.

Женщина поджала губки.

Этот визит неприятно взбудоражил префекта. Давненько Лупа не навещал его дом. Когда-то парень числился рабом Лонга, потом префект продал его сенатору Марку Аквиллию Регулу, который обезобразил ему лицо. Затем случилось чудо – Регул воспылал необычайной любовью к искалеченному рабу, дал вольную и, что уже совсем невероятно, усыновил его и завещал свое состояние. Лупа стал именоваться Аквиллием Регулом Люпусианом. Как ему это удалось, в Риме не спрашивали, однако публично обвинить любимчика самого Публия Адриана в убийстве и попытаться отобрать у него наследство сенатора никто не осмелился.

В последний раз Лупа тоже явился за полночь.

В ту пору они поддерживали доверительные отношения. Причиной была скончавшаяся жена Ларция Волусия, его личный раб Эвтерм и вообще – обстановка в доме, напоминавшая Люпусиану о юности, когда его, молодого мальчишку, взятого в плен в Дакии, Лонг спас от смерти, а Эвтерм от раздробления костей и других жутких пыток, которые ждали его в доме Регула, одного из самых гнусных доносчиков Рима. Только Лонгу и Эвтерму новоявленный богач позволял называть себя Лупой или «волчонком».

Ларций появился, когда Лупа и Эвтерм уже были в кабинете. Гость и раб держали друг друга за руки, видно, только успели поздороваться. В глазах у них стояли слезы.

Эвтерм посетовал, что волчонок давно не появлялся у них. Забыл, наверное, дорожку?..

Лупа пожал плечами, затем подошел к хозяину, протянул руки. Ларций пожал их, потом они обнялись, сели.

Лупа сразу перешел к делу – предупредил префекта, чтобы тот не возлагал больших надежд на этот приказ и сделал все возможное, чтобы остаться Риме.

– По крайней мере, не стоит спешить с отъездом в Парфию, – добавил гость.

Подобный совет настолько удивил хозяина, что в первое мгновение он не нашел что ответить.

Лупа добавил, что эта поездка может печально закончиться не только для самого префекта, но и для всего семейства.

В этот момент без стука в кабинет вошла наложница.

Зия успела распустить волосы, накинуть столу. За эти годы она немного располнела, однако прежняя жуткая, темная красота и на этот раз поразила гостя. Прежде всего, в глаза бросались роскошные, до пояса, черные волосы. Она обычно носила их распущенными, прически в виде завитков и корон, предпочитаемых худосочными уроженками Рима, Зия презирала. Лицо ее было соразмерно, рот идеально очерчен, при этом верхняя губка была чуть

вздернута. Создавалось впечатление, что ее губы всегда раскрыты для поцелуя. Лупа попытался встать, однако Ларций жестом усадил его в кресло, а Зие приказал покинуть кабинет.

Женщина, выразительно стрельнув глазами в сторону гостя, пожаловалась хозяину, что маленький Бебий опять лазил в катакомбы, нарытые под холмом.

– Не по наущению ли Эвтерма мальчишка так распоясался?.. – спросила она и тут заметила Эвтерма, пристроившегося в дальнем углу кабинета. Она и бровью не повела, добавив: – Прикажи дать сыну розог.

Хозяин мрачно глянул на нее, кликнул прокуратора. Старик будто стоял у дверей – тут же появился на пороге, спросил:

– Чего изволите?

Ларций указал на женщину и распорядился:

– Выведи ее и проследи, чтобы она не торчала поблизости.

Когда Зия и раб вышли, Ларций пожаловался Лупе – совсем распоясалась! Если бы не Постумия и Эвтерм, она давно бы перевернула в доме все вверх дном.

Эвтерм и на этот раз промолчал.

Лупа вздохнул.

– Эта напасть, Ларций, ничто по сравнению с той угрозой, которую таит этот приказ.

Ларций пожал плечами.

– Какая беда может ждать человека, которого сам император вызывает в ставку? Опала?

Меня и так давно отстранили от дел.

– Смерть.

Ларций презрительно скривился.

– Не слишком ли, Лупа?

– Не слишком, префект. Очень даже не слишком.

Ларций натужно рассмеялся, поднялся и, заложив культию за спину, подошел к забранному прозрачным стеклом окну. Спросил оттуда:

– Вот прямо так и вызывают, чтобы казнить перед строем? – и уже не в силах сдержать раздражение, воскликнул: – Других забот у императора нет? На меня поступила жалоба? Донос? Если даже и так, откуда ты можешь знать об этом? За какие такие преступления меня ждет смерть?!

– Прегрешения отыщут, это пустяк. И как все случится, не знаю. Только сдается мне, что от имени императора зовут тебя в ставку твои прежние дружки.

– Какое ты, бывший раб, имеешь право совать свой нос в государственные дела?! Как ты смеешь называть «дружками» Лузия Квиета, Публилия Цельза, Авла Пальму, Луция Конста, лучших полководцев Рима? Ты полагаешь, что теперь, когда ты спутался с Адрианом, тебе все позволено?

Лупа ответил не сразу, взял паузу. Наконец промолвил:

– Мне дорога память о Волусии. Мне дорог Эвтерм, не побоявшийся ради презренного раба рискнуть жизнью. И ты мне дорог, Ларций, потому что когда-то спас меня от смерти. Поверь, я сказал правду.

Вновь молчание, затем Лупа продолжил тихим, пустым голосом:

– Подумай о сыне, префект. Сам ты можешь поступать, как тебе заблагорассудится, но подумай о Бебии.

– Каким же это образом, позвольте спросить, мне следует позаботиться о нем?

– Если решишь отправиться в Азию, немедленно дай вольную Эвтерму. Назначь его и меня опекуном Бебии. Заранее подготовь все документы об опеке. Распредели состояние, чтобы в случае чего твоя семья не осталась без средств к существованию.

– В случае чего? – выкрикнул хозяин.

Лупа, стараясь убедить хозяина, повысил голос:

– В случае беды! В этом вызове таится страшная угроза.

– Ты призываешь нарушить дисциплину, забыть о долге? Ты призываешь меня пренебречь приказом, который, по общему мнению, принес мне честь и уважение всего Рима? В своем ли ты уме, Лупа?

– В своем, Ларций. К сожалению, моего влияния недостаточно, чтобы, если случится худшее, спасти тебя от гибели. Поверь, здесь нет чьей-либо злой воли. Твоей жизнью играют боги – они любят развлекаться подобным образом.

Гость кивнул в сторону раба, сидевшего в дальнем углу кабинета.

– Вспомни, как ты сослал Эвтерма. По крайней мере, не спеши отбыть в Парфию. В этом я готов помочь тебе.

Ларций наконец сумел взять себя в руки. Кивнул, потребовал коротко:

– Хорошо, объяснись.

– Император испытывает недомогание. Он по-прежнему силен, может часами скакать на коне, порой принимает участие в битвах, но он уже дважды терял сознание. Траян очень располнел и наполнился нездоровой жидкостью.

– В таком случае, – ответил Ларций, – я тем более должен как можно скорее прийти на помощь старому другу.

– Чем ты сможешь помочь ему? Ты не врач. А вот усугубить вражду между близкими к нему людьми ты в силах. Эта вражда очень тревожит Траяна. Последствия твоего приезда могут оказаться самыми непредсказуемыми.

– Подробнее.

– Ты однажды поспешил наказать Эвтерма, за что и пострадал. Сейчас ты тем более не волен в выборе. В ставке ты неизбежно займешь место среди тех, кого ты называешь лучшими полководцами Рима.

– И стану недругом твоего покровителя Адриана? – догадался Ларций.

– Именно. Своим появлением ты нарушишь баланс, который сложился в окружении императора. Траян до сих пор не назначил наследника. Тебе ли объяснять, какая жуткая свара начнется после его смерти. Твоих дружков устроит, если Траян объявит наследником Нератия Приска, однако в последнее время Нератий повел себя двусмысленно, и император, по-видимому, откажет ему. Твоим бывшим соратникам позарез необходимо, чтобы право выбора наследника Траян предоставил сенату. Они ежедневно, ежечасно толкают его на это.

– А твоего покровителя подобный исход никак не устраивает?

– Конечно. Пойми, в борьбе между стариками – Лаберием, Нигрином, Квиетом, Цельзом, Нератием Приском и Пальмой, с одной стороны, и Адрианом, поддержанным императрицей Помпеей Плотиной и племянницей Траяна, Матидией, а также молодыми военачальниками, с другой, ты окажешься мелкой сошкой. Зернышком между жерновами борющихся за власть.

Ларций насупился. Довод был серьезный, ему не надо было объяснять, что значит угодить между подобными жерновами. Такой опыт у него был. Но как же быть с приказом, он недвусмыслен, его нельзя не выполнить.

Он размышлял долго. Ни Лупа, ни Эвтерм не смели нарушить молчание.

– Кто надоумил тебя затеять этот разговор? – наконец спросил Ларций. – Он?

– Нет. После истории в Сарматии, когда ты откупился от него Зией, ты для него не существуешь. Несколько часов назад я получил письмо от императрицы. Помпея Плотина умоляет меня принять любые меры, чтобы ты не появлялся в ставке. Императрица всегда относилась к тебе с уважением. Она не простит себе, если ты отважишься приехать и попадешь в беду. Она помнит Волусию, она помнит, что ты спас жизнь ее мужу.

– Письмо у тебя с собой?

– Нет, Ларций, я не имею права показывать тебе это письмо. Я могу только упомянуть о его существовании, а поверишь ты мне или нет, это уже тебе решать.

– Чем же я так прогневил Адриана, что он до сих пор держит на меня зло? Неужели, – он кивком указал на дверь, через которую вышла Зия, – она дороже ему, чем собственная жена?

– Не надо упрекать наследника в мелких слабостях, которым он сам знает цену.

– Он уже стал наследником?

– Нет, но именно это обстоятельство может стоить тебе жизни.

– Это я понимаю, – вздохнул Ларций. – Это я очень хорошо понимаю.

После паузы он пообещал:

– Хорошо, я подумаю.

* * *

Ларций долго не мог заснуть. Лежал один. Зия, изгнанная из кабинета, обиделась и отправилась в свою спальню.

В полутьме опасность, предсказанная Лупой, очертилась куда более осязаемо, чем в первые минуты разговора. Опыт быстротекущей жизни подсказывал, что Лупа искренен.

Уже засыпая, Ларцию померещилось что-то жуткое, из далекого прошлого – сшибка верхами, круговерть и взблески лезвий, брызги крови, вопли, проклятья, вскрики. Истошные вопли, последние всхлипы умирающих...

Привиделось надвигающееся, покачивающееся на скаку, направленное в лицо острие копья. Это случилось за Данувием, в том бою дико визжащий, в собачьем треухе на голове кочевник – таких ранее и не видавали! – изловчился отрубить ему кисть левой руки. Потом, уже на грани сна, ужаснулся временам Домициана. В ту пору его изгнали из армии. Несколько лет Лонги жили с клеймом подозрительных лиц, и никто из добропорядочных граждан не дал бы и асса за их жизни. Тит и Постумия, а по примеру родителей и Ларций вели себя невозмутимо. Потом явился лик Траяна, их первая встреча по дороге в Анкону, первое распоряжение возглавить отряд конных испанских лучников, ни бельмеса не понимавших по-латински. Траян приблизил его, вернул в армию. Ларций вновь почувствовал себя нужным городу и армии человеком. Он сполна отплатил императору – в сражении под Сармизегетузой спас ему жизнь, когда во время конной атаки под императором убили коня.

Золотые были времена! После того сражения они очень сошлись с Траяном, однако и в этой дружбе вскоре обнаружилась червоточина, некий таинственный предел, который даже при взаимном уважении и близости напрочь отделял префекта конницы от императора Рима. Узнав о том, что Адриан пригласил Ларция последовать за ним в качестве помощника в Сарматия, император попросил префекта присмотреть за племянником.

– Потом расскажешь, – добавил император, – так ли хорош Публий в государственных делах, как меня убеждают его доброжелатели? Только никому ни слова.

Он указал взглядом в сторону покоев императрицы. Ларций долго не мог простить себе, что попался на эту приманку.

Неожиданно скрипнула дверь. В дверном проеме осветилась бесформенная фигура.

«Явилась!»

Зия неслышно, как кошка, прошмыгнула в комнату. Разделась, легла рядом, завозилась. «Что с ней поделаешь! Ладно, пусть полежит, прогреется». Зия прижалась, накинула на себя мужскую руку, наконец замерла, потом порывисто вздохнула, пощекотала хозяина по оголенному плечу.

Ларций не ответил на призыв. Поглядел сурово, с неприязнью.

– Все-таки поедешь? – тихо спросила женщина.

Ларций не ответил.

– Возьми меня с собой, – попросила она.

– Не терпится свидеться с Адрианом? – съязвил Ларций. – Не тревожься, я проеду мимо Антиохии.

– Ну, Ларций, опять за старое! – упрекнула его женщина, потом заинтересованно и невинно спросила: – Кого возьмешь с собой? Эвтерма?

– Нет. Он останется с Бебием. Да и за тобой пригляд нужен. До сих пор глаза на Лупу палишь. Он же урод.

Зия не ответила, прижалась еще крепче. Что с ней поделаешь! Еще раз поскреблась. Ларций вздохнул, впустил страсть, доверился. Уже в последнее мгновение, перед тем как овладеть женщиной, задышавшей тяжело, с нарастающим придыханием, в голове отстраненно обозначилось – трудно ему будет на Востоке без этой дакийки, но и тащить такую обузу себе дороже.

Того и гляди, снова впутает в какую-нибудь историю.

Ох, впутает!..

Ох, как сладостно впутывает!..

Как вовлекает...

После, распутывая воспоминания, он уже без прежней обиды подумал: «О чем теперь сожалеть?»

Зия вновь начала настойчиво домогаться его. Нет, он не должен брать ее с собой, не может позволить, чтобы из-за нее он влип в какую-нибудь неприятную историю.

Иначе беда.

Ох, какая случится беда.

Следом, уже тиская, радуясь Зие, выругался – да пропади оно все пропадом, а ему без этой путаницы жизни нет.

Без этой кошки жизни нет...

На следующее утро он оформил вольную на Эвтерма, затем тайно, в присутствии Эвтерма, Лупы и сенаторов Анния Вера и Тита Аррия Антонина оформил опекунство над собственным сыном – документ оставил у Вера. Его же, а также Аррия Антонина, вольноотпущенников Корнелия Лонга, Эвтерма и Аквилia Регула Люпусиана, сделал доверенными лицами по распоряжению семейным имуществом до совершеннолетия Бебия.

Согласно завещанию Зия в случае его смерти отделялась от Лонгов. У нее был собственный дом, подаренный Адрианом – пусть там и распоряжается. Об этом он в обед сообщил Зие. Та – в слезы, потом упала на колени, взмолилась – возьми меня с собой, не выгоняй из дома. Сцена завершилась бурным скандалом, воплями – ты не любишь меня, презираешь меня! Почему ты не хочешь взять меня с собой? На этот раз префект проявил твердость.

Вечером устроил прощальный ужин, на который явилась матушка Постумия, домовые рабы, вольноотпущенники, числившиеся в клиентах Лонгов. Присутствовала и Зия – весь вечер она лила слезы. Горевала так, что Постумия Лонга не выдержала и приказала:

– Не хлюпай носом. Хватит отпевать моего сына, он пока живой.

Посидели недолго, надо было отдохнуть перед дорогой. В утренних сумерках, в сопровождении уже знакомого сингулярия и приданных ему Адрианом двух всадников, доставлявших императорскую почту, отправился в Брундизий.

Глава 2

Море, казалось, поджидало Ларция Корнелия Лонга. Он, как и большинство римлян, являлся сухопутным человеком, но природная красота, которую поберегла для него безмерная водная гладь, тронула встревоженное сердце. Он испытал успокоение. Все-таки Божья сила порой бывает милостива к смертному. Чем бы ни закончилась эта поездка, напоследок ему было дано насладиться зрелищем закатов и восходов, шествием нелепых, таинственных зверей, которыми в его честь оборачивались подсвеченные розоватым светом облака. Качка была легкой и навевала непродолжительный, но бодрящий сон. Утренняя свежесть наполняла члены юношеской подвижностью. Хотелось влезть на мачту и крикнуть оттуда: «Ого-го-го!»

Спутники попались общительные, говорливые. Два квестора⁶, старший и младший, ответственные за перевозку золота; центурион, обеспечивающий охрану груза, сингулярии, возившие почту – среди них и тот, который доставил приказ. В свой кружок они приняли капитана корабля.

Судачили о войне, разбирали этапы парфянской кампании, вспоминали прежние войны. Тревожились состоянием здоровья императора, злословили об Адриане, осуждали его низкопоклонство перед «всем греческим», увлечение архитектурой и прочими постыдными ремеслами. Младший квестор, молодой и нарумяненный молодой человек, уже в начале плавания намекнувший, что у него немало друзей в «высших сферах», сделал многозначительное лицо и сообщил:

– В сенате опасаются, как бы императрица и племянница не добились от Траяна, чтобы тот назначил Адриана наследником. Им это сделать легче легкого, ведь всем известно, что Адриан спит с Плотиной и Матидией.

Центурион – он был из провинциалов – удивился.

– Не может быть! С обеими сразу?..

– Зачем с обеими! По очереди. Впрочем, – он досадливо поморщился, – я не знаю. Может, и с обеими, я в постель к нему не заглядывал. Молокосос очень охоч до женского пола. Правда, до мужского тоже.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился центурион.

Младший квестор многозначительно указал взглядом на своего патрона – мол, обращайтесь к нему, уж он-то знает.

Старший квестор, лысый и чрезмерно толстый чиновник с многозначительно обвисшими щеками, ощутив на себе общее внимание, скромно потупил глазки, выждал мгновение, затем нехотя признался:

– Что было, то было. Немало мы с Адрианом погуляли по чужим спальням, немало повидали всякого пола задниц.

Еще пауза.

Центурион, а также все присутствующие, кроме Ларция, затаили дыхание

– Что императрица! Что племянница! – с неизбывной горечью воскликнул толстяк.

Брыльца на его лице негодуяще заколыхались.

– В Риме говорят, что он перепробовал всех любимчиков императора, сам не раз отдавался им. Каждому преподнес богатые подарки, чтобы те благоволили к нему.

Все с уважением глянули на старшего квестора. Сразу стало ясно, этот – знаток.

⁶ Квестор – первый чин в иерархии римских должностных лиц или магистратов. Во времена Империи квесторы обычно заведовали архивами и казначейством, а также являлись помощниками консулов или наместников провинций. Квесторы императора считались его личными секретарями, одной из обязанностей которых было чтение в сенате распоряжений правителя.

Квестор пожал плечами, потом добавил:

– Так говорят. Утверждать не берусь, правда это или нет, – затем скромно признался. –

Но в одном приключении мне довелось с ним поучаствовать.

Он вновь сделал паузу.

Центурион нетерпеливо подергал чиновника за рукав.

– Ну, давай рассказывай!..

– Это было в Сарматии...

Слушатели как один придвинулись ближе. Лонг удивленно вскинул брови – этого борова он за Данувием не встречал!

Рассказчик между тем поинтересовался у собравшихся:

– Кому из вас приходилось бывать на сарматской войне?

Он глянул на центуриона, затем на сингуляриев – все они отрицательно покачали головами. Когда дошла очередь до Ларция, тот энергично повторил тот же жест.

Толстяк заметно расслабился, поерзал, устроился поудобнее и начал:

– Мы там не столько воевали, сколько предавались наслаждениям. До того доразвлекались, что кое-кто разум потерял. Какой-то вшивый префектишка посмел вступить в спор с племянником императора из-за рабыни. Прямо как Агамемнон и Ахилл в Троеде⁷. Сказать по совести, девка была вполне подстать Брисеиде. Красотка! Короче, наместник и префект поссорились. Префект наговорил начальнику дерзостей, а утром, чтобы загладить вину, сам привел девку в его шатер – мол, прошу прощения, выпил лишку.

Все засмеялись. Ларций не удержался и досадливо хмыкнул.

Квестор не обратил внимания на его хмыканье. Польщенный вниманием, он подался вперед.

– Ну, это дело обычное, каждый хочет урвать добычу пожирнее. Беда в том, что девка оказалась непростая. Она была жрицей какой-то местной богини и то ли очень преуспела в искусстве любви, то ли опоила Адриана какой-то гадостью, только по возвращении в Рим племянник императора и смотреть ни на кого не захотел. Даже на законную жену Сабину, а она, как ни крути, родственница Траяна. Понятно, императрица рассердилась, попыталась притушить скандал. Приказала мне позвать Адриана и отчитала его так, что тот неделю из дворца носа не высовывал. «Порви, – приказала она, – с этой шлюхой или не миновать тебе опалы». Адриан, конечно, сник, кому охота из-за какой-то рабыни расставаться с надеждами на императорский жезл! Подарил он ей дом, дал вольную, – иди, говорит, на все четыре стороны.

– А префект? – спросил центурион.

– Что префект? – не понял квестор.

– С ним-то что случилось, когда он такой красотки лишился?

– При чем здесь префект?! – возмутился чиновник. – Я к тому рассказал эту историю, чтобы тебе, медная башка, было ясно, каков Адриан и что нас ждет, если он придет к власти.

– А что нас может ждать? – возразил один из сингуляриев. – Как возили почту, так и будем возить, а кого приставили к золоту, тот так и будет его считать. Наше дело маленькое.

– Все-таки как насчет префекта? – не унимался центурион. – А вдруг эта дикарка и ему дала отведать любовного напитка? Как же он потом жил? Свихнулся от любви, я полагаю? Или нет?

– Префект принял ее обратно, – подал голос Ларций.

Все повернулись в его сторону, глянули с любопытством.

⁷ В «Илиаде» Гомера описан спор, который произошел между предводителем ахейского войска Агамемноном и Ахиллом по поводу захваченной в плен красавицы Брисеиды. Агамемнон силой увел женщину из шатра героя, после чего Ахилл, обидевшись, отказался принимать участие в осаде. Такова сюжетная канва великой поэмы.

– Деньги растратила, дом заложила, – объяснил Ларций, – потом явилась к префекту и взмолилась – пусти, мол. Знаете, у Эзопа басня про стрекозу и муравья?

– Как же, слышали! – подтвердил центурион. – «Я все пела, я все пела, так поди же попляши».

– Точно, – кивнул Ларция. – Только в отличие от Эзопа глупый муравей пустил ее в дом. Теперь живут.

Вояка, не скрывая восторга, хлопнул себя по коленям.

– Ну и молодец! Это я понимаю! Меня однажды тоже напоили. Утром просыпаюсь, а со мной такая краля лежит.

Он задумчиво, с тоскливым выражением на лице покивал, потом натужно добавил:

– Было дело... Мать прибежала, жена, братья. Все кричат, жена заламывает руки – изверг, кого ты привел в дом?! Ты позоришь семейную постель! Пришлось расстаться, иначе бы из армии выперли. Это я очень хорошо понимаю.

Квестор, выпустивший из рук внимание слушателей, встрепенулся:

– Сравнил! Ты и племянник императора. Да его из-за этой шлюхи власти над всем миром могли лишить!..

– Иди ты!.. – внезапно обозлился центурион. – А меня вот этих фалер, – он указал на наградные медали, нашитые на кожаный панцирь. – И что?!

* * *

В ту ночь Лонг так и не смог заснуть.

Прикидывал так и этак.

О плебс, зловонный твой язык!.. Чего только об Адриане не болтают! Спит с императрицей, с императорской племянницей, с любимчиками императора! Всех, видите ли, окрутил, всех заставил предаваться разврату!

Вспомнился Адриан.

Ларций, в отличие от старшего квестора, никогда не был близок с императорским племянником. Наоборот, тот откровенно раздражал его. В своем отношении к «молокососу» и «щенку», как называли его окружавшие императора закаленные в боях военачальники, Ларций был неодинок. В первые годы царствования Траяна высшие офицеры и сановники, исключая Аттиана, откровенно третировали молокососа. Императору было не по душе увлечение воспитанника всем греческим, его военачальники открыто смеялись над такой странной для римлянина привязанностью. Личный архитектор императора Аполлодор высмеивал претензии Адриана в области архитектуры. Его намерение построить в Риме какое-нибудь дерзкое до оторопи, незабываемо-эпохальное сооружение ничего, кроме язвительной оценки и желчных замечаний, у императорского архитектора не вызвало. Философу и ритору Диону Златоусту претили его стихи на греческом, претенциозные по форме и «приземленные» (как выражался философ) по смыслу. Отцов-сенаторов настораживало увлечение императорского воспитанника игрой на цитре и рисованием. Старый Фронтин по этому поводу обмолвился – Нерон тоже начинал с рисования...

Окружение императора особенно возмущали рассуждения Адриана о безусловном предпочтении мира перед войной. Его утверждение, что любая война кончается миром и естественное право должно основываться на силе закона, а не кулака, было тут же доведено до сведения цезаря и вызвало резкую отповедь императора. Траян заявил племяннику, что все они – поклонники мира, но мира на римских условиях. В этом и состоит естественное право, потому что естественное право Децебала и даков заключается в том, чтобы принудить Рим принять их условия. То же касается и Парфии, и вообще всего на свете.

Изредка дядя, доведенный до бешенства выходками племянника, позволял себе выразиться об Адриане как о «конченом человеке». Успокоившись, менял гнев на милость и в ответ на упреки недоброжелателей Адриана, требовавших его отставки и ссылки, отвечал: «Парень неплохо проявил себя как трибун легиона и вообще он добрый малый». Недоброжелатели доказывали императору, что тот неверно оценивает Публия Адриана. Молокосос не так прост, он дерзок и своеволен. Доброжелатели, среди которых самой доброжелательной и активной была Помпея Плотина, убеждали Траяна взглянуть на племянника непредвзято, с государственных позиций.

Ее усилия не пропали даром. С годами Адриан укрепился как в постыдных для римской чести утверждениях, так и в устройстве государственных дел, которые многие в Риме считали не более чем «делишками» рвущегося к трону претендента.

...Как-то Адриан доверительно признался Ларцию, что очень жалеет, что Волусия, прежняя жена Лонга, досталась префекту. «Грубому солдафону», – уточнил префект. «Это ты сказал», – парировал Адриан.

...А вот до Зии императорский родственничек сумел-таки добратся.

Адриан был среднего роста, строен и мог бы быть приятен на вид, если бы не крупные оспины, уродовавшие нижнюю часть лица. Он прикрывал их небольшой курчавой бородкой. Глаза приятные, серовато-зеленые, в то же время взгляд отличался некоторой напряженностью, словно Публий постоянно ожидал насмешек и пренебрежения. Когда такое случалось, он шурился, краснел и впадал в наглость, а нередко и в хамство. Физически он был силен не менее дяди. В первые дни их знакомства Ларций в присутствии Адриана обычно сразу терялся. Публий имел глупую и бездарную привычку засыпать собеседника нелепыми вопросами и, если тот мешкал с ответами, самому отвечать на них. Его манера вести беседу подавляла, он порой интересовался тем, о чем собеседник не имел никакого представления или хотел вовсе забыть и не вспоминать. Публий, очевидно, считал себя вправе ставить человека в тупик. А то еще хуже – сам начинал признаваться в таких пороках, которые нормальные люди старались упрятать подальше. Его искренность и доверительность порой напоминала игру. Принимая во внимание величину его фигуры и крепость мышц, он был похож на тигра, прятавшегося в засаде.

В любом случае во время сарматской кампании Адриан сумел удивить Ларция продуманностью и основательностью действий, в чем, несомненно, сказалась выучка дяди, но главное, воспитанник цезаря сумел заслужить уважение в войсках. Причем не в каких-либо нанятых на собственные деньги, а в самых боеспособных легионах, которых Траян бросил против сарматов, нагло потребовавших вернуть земли, которые римляне захватили у Децебала. Собственно, право было на стороне варваров, однако сам тон, угрозы, которые они позволили себе в адрес Рима, вынудили Траяна дать им «хорошую взбучку».

Адриан быстро и уверенно справился с этой задачей, однако в узком кругу, куда во время похода был вовлечен и Ларций, он не скрывал, что предпочел бы решить спор с сарматами миром, тем более что их требования справедливы. Эти земли принадлежали сарматам до войны с Дакией. Потом Децебал захватил их, римляне изгнали даков, но земли не вернули, вот кочевники и решились бросить вызов Риму.

Только Лонг не побоялся вслух высказать сомнения в «справедливости» требований варваров. Префект заявил, что обоснованность претензий, которые выдвигают Риму, может определяться только в Риме. Адриан не стал вступать в дискуссию по такому, как он сказал, «малозначащему» поводу. Беда случилась уже после победы, когда на пиру, устроенном победителями, Ларций вновь сцепился с Адрианом. Скоро спор стал настолько горяч, что Ларций не удержался и напомнил, кто из них «молокосос» и «конченный человек». Адриан в свою очередь пригрозил «тупому солдафону», что тот поплатится за свои слова, выска-

занные в лицо главнокомандующему. Военскую дисциплину и уважение к начальству пока никто не отменял.

На следующее утро, протрезвев, Лонг понял, что перешагнул грань, отделявшую спор от оскорбительного, то есть преступного, неуважения к командиру. Он был рад пойти на мировую. Адриан в свою очередь тоже был не прочь покончить дело миром. Условием наместник выставил продажу Зии, которая приглянулась ему еще в тот момент, когда рабыня прибыла из Сармизегетузы с известием о смерти римского наместника в Дакии Гнея Помпея Лонгина.

Ларцию очень не хотелось расставаться с этой женщиной. Это было все равно что расстаться с правой кистью и почувствовать себя совсем безруким. Рабыня, в свою очередь, усиленно изображала скорбь и пыталась успокоить «медвежонка» тем, что так распорядились боги и она готова «пострадать» за него.

После возвращения в Рим Ларций как-то встретил их на одном из гладиаторских представлений. Появиться публично с наложницей мог только Адриан, время от времени позволявший себе подобные вольности. Заметив свою бывшую рабыню, Ларций едва сумел справиться с ожогом на сердце. Обида была горяча и нестерпима. Он отодвинулся подальше в толпу и уже оттуда, укрывшись среди людей низкого звания, бросал в сторону сладкой парочки долгие укоряющие взгляды.

Адриану всегда было наплевать на мнение плебса, однако на этот раз он превзошел самого себя – его томные взоры, которыми он то и дело ласкал наложницу, могли смутить самых яростных приверженцев свободы нравов.

Их счастье было очевидным.

Зия тоже была вполне весела и довольна жизнью. Внимание черни, грубоватые возгласы, срамные приветствия, доносившиеся из рядов, занятых простолюдем, вовсе не смущали ее – наоборот, она всеми силами пыталась показать, что имеет права на племянника императора.

Изнывавший от ревности Ларций припомнил преддверие злополучной войны, саму войну, ласковые, тем не менее чрезмерно настойчивые уговоры Адриана помочь ему в Сарматии, скандал на торжестве, и ему вдруг стало не по себе от догадки, что эта ссора вовсе не была случайной. В тот миг в цирке, в толпе восхищенных дакийской кошкой плебеев, простивших Адриану связь с такой красоткой, пренебрежение добронравием и уважительным отношением к семье, ему окончательно открылось, что молокосос намеренно спровоцировал его на оскорбительные высказывания. Обнажился весь тончайший замысел интриги, закончившийся уступкой дорогого ему создания. Обида и гнев сменились меланхолией. Выходит, Адриан не забыл, как потерпел неудачу с Волусией, и на этот раз решил, невзирая ни на что, взять реванш. Префект скрепя сердце был вынужден признать за Адрианом выдающиеся способности по части устройства личных дел и, возможно, в будущем, политических делишек.

Что ж, реванш ему удался.

Но не надолго.

Судьба скоро порадовало Ларция – она жестоко отомстила интригану. Спустя месяц после той короткой встречи Лонга пригласили к императрице. Помпея Плотина, заметно постаревшая, но по-прежнему по-коровьи добрая, с печальными умными глазами, была очень озабочена новым увлечением племянника. Она философски укорила префекта в неумении разбираться в людях, в том, что это по его вине, пусть даже и невольной, член императорской фамилии оказался втянутым в постыдную и неприемлемую связь. Ведь это Лонг привез в Рим эту дакийскую ведьму. Лонг попытался возразить, однако императрица жестом остановила его. «Привез, – добавила она, – так держи взаперти, зачем же было брать ее на войну?»

Плотина сообщила, что в разговоре Публий признался, что давно был без ума от Зии, еще с той поры, когда она только появилась в Риме. Племянник очень мечтал заполучить дакийку, но не знал, как добиться этого без публичного скандала, ведь любое предложение подобного рода Лонг с возмущением отвергнет, а в городе начнут поговаривать о безумной страсти, охватившей племянника императора. Плотина пожаловалась, что именно дакийская кошка натолкнула племянника на мысль, каким образом можно принудить Лонга расстаться с ней. Это она подсказала, что никакая, даже самая убедительная, подкрепленная огромной денежной суммой, просьба о продаже рабыни тебя не вразумила бы. Следует распалить тебя, заставить совершить вызывающий поступок, а потом помириться. Вняв совету, Адриан решил разыграть скандал.

Заметив, как вспыхнуло лицо Ларция, императрица поспешила успокоить гостя:

– Это его слова, Ларций.

– Я не о том, госпожа.

О чем, Ларций не стал уточнять. В те дни, когда он был особенно охоч до Зии, когда женщина, казалось, так и льнула к нему, она находила время устраивать тайные свидания с любовником. Эта боль обижала острее всего.

Императрица усмехнулась.

– Я знаю, о чем. Это твое наказание за то, что после смерти Волусии ты поспешил взять другую женщину. Но я о другом. Ты должен помочь мне спасти Адриана. Он совсем потерял голову из-за этой шлюхи.

Ларций в первый момент поразился тому, что Плотина, некрасивая, ничего не понимавшая в шлюхах, тем более в чувствах обиженных мужчин, женщина, вот так запросто попросила у него помощи. В этом было что-то оскорбительное, хотя было ясно, что она вовсе не хотела обидеть старого друга и просила помощь по праву покровительницы семьи Лонгов, по праву императрицы, и это право никем не могло быть оспорено. Но и соглашаться – даже не догадываясь, какую помощь требует от него Плотина, он был не намерен. Это уже было слишком даже для самого верного клиента. Он прямо заявил Помпее, что его пути-дорожки с Зией и Адрианом разошлись и вряд ли когда сойдутся.

– Ох, не загадывай, – предупредила Плотина и, отщипнув крупную виноградину от зрелой, гигантских размеров кисти, сунула ее в рот, пожевала и доброжелательно улыбнулась префекту.

Он вспомнил о ее словах, когда спустя месяц Зия явилась ночью к нему в дом. После расставания с любовником житье-бытье Зии никак не нельзя было назвать добродетельным. Адриан дал ей вольную, подарил дом на Авентинском холме, щедро наградил, и Зия разгулялась.

Веселилась от души.

Охотников до нее было множество, причем из самых высоких сфер, однако она вдруг стала очень разборчивой и не спешила найти нового покровителя. Причина подобной строптивости выяснилась очень скоро. По Риму побежали слухи, будто Адриан время от времени позволяет себе навещать бывшую наложницу. Плебс жадно подбирал эти сплетни. Начальник личной канцелярии Траяна, Ликорма, навестил вольноотпущенницу и предупредил, чтобы Зия вела себя скромнее. Лучше всего, если она навсегда покинет столицу и перестанет мозолить глаза высокопоставленным особам.

Тогда она и постучалась в дом Лонгов. Приползла, как побитая сучка, как нагулявшаяся стрекоза с обмякшими крылышками – вся в слезах, жалкая, брошенная. Ларций принял ее сурово. Молча выслушал объяснения, рыдания, мольбы, спокойно наблюдал ее слезы – море слез! Адриана принудили расстаться с ней, и она не жалеет. За эти месяцы она убедилась, что без Ларция, «моего медвежонка», она жить не может.

– Ты его тоже называла «медвежонком»? – поинтересовался прежний хозяин.

Зия страстно начала доказывать, что у нее и в мыслях не было называть Публия подобным образом.

«Поди проверь», – усмехнулся про себя Ларций. Он смело спросил себя, зачем она пришла в его дом? Обжигающе повеяло ледяной ясностью – эта женщина явилась вовсе не из любви к бывшему хозяину! Она решила с его помощью спастись от грозящего наказания. Хотя, кто знает, может, в сердце варварки и осталось что-то теплое от прежней близости?

Может, не такая она последняя сучка?

Каждый устраивается в Риме как может.

Например, тот же Лупа, так близко подружившийся с Адрианом. Вспомнилась просьба императрицы. Возможно, Ликорма посоветовал Зие прибегнуть к помощи Лонга, поискать у него убежище?

Ларций усмехнулся – это вряд ли. Зачем это Ликорме? Зачем это Траяну? Зачем этой беспутной советчики? Она сама найдет выход из любого, самого безнадёжного положения. И для императорской семьи это был наилучший выход. Прими ее Ларций – и не надо принимать никаких государственных мер в отношении возмнившей о себе невесты что распутницы. Все решилось бы тихо, мирно, по-семейному. В то же время Зия более никогда не увиделась бы с Адрианом.

И волки сыты, и овцы целы.

Ловко.

Стало грустно.

Он надменно выслушал дакийку. Затем молча повернулся и направился в глубь дома. Миновал внутренний дворик-атриум, двинулся на свою половину. Зия, с головой накрывшись краем столы, спрятав лицо, семенила за ним. Когда Ларций, ни слова не говоря, улегся в кровать, она тут же вползла на ложе. С той же надменностью Ларций полюбил ее. Несчетное количество раз. Под утро спросил себя – какой смысл спорить с высшими силами?! Это пустое. На том и смирился.

Теперь на корабле, оставшись один на палубе, заглядывая на сочные обильные звезды, с той же обжигающей, ледяной ясностью осознал – если Адриан доберется до власти, эта история вполне может выйти ему боком. Он злопамятен, жесток, его поступки непредсказуемы.

Ларций почувствовал ужас, вообразив, что не корабль, а он сам бредет по этой безмерной, темной, невнятно шевелившейся глади.

Куда идет? В чьи лапы стремится?..

Глава 3

В Азию Корнелий Лонг прибыл в конце лета 116 года. Триера пристала в Селевкийи Пиерии, являвшейся морскими воротами столицы провинции Антиохии⁸. Прошло полгода с того дня, как третий по величине город империи был разрушен мощным землетрясением⁹, однако за это время было сделано немало. Судя по описаниям очевидцев, здесь все лежало в развалинах, погибших насчитали более двадцати пяти тысяч. Теперь же поднятый из руин мост через полноводный Оронт посвечивал свежими, наложенными из бетона заплатами, имперская дорога по всей длине была отремонтирована и сглажена. В городе повсюду трудились строители, завершавшие восстановление знаменитой колоннады, возведенной вдоль главной улицы и имевшей в длину более четырех с половиной миль¹⁰. Работали дружно, без окриков надсмотрщиков, впрочем, самих надзирателей было немного и все без кнутов. Подрядчик из местных греков, недобро засмеявшись, пояснил, что в Антиохии кнут не нужен. Зачем кнут, если сам наместник раз в два дня объезжает стройки и не скупится на милости и наказания, проверяет сметы. Будто ему больше делать нечего. На первое щедр, добавил грек, на второе – скуп.

– Правда, – не скрывая злорадства, заявил подрядчик, – недолго ему здесь царствовать.

– Отчего же? – заинтересовался Ларций.

– О том предупреждают звезды, – уклончиво ответил грек.

– Говори прямо, – распорядился префект, – я не принадлежу к сторонникам Адриана.

– Значит, ты принял сторону Лаберия Максима и Авидия Нигрина? – ухмыляясь, спросил подрядчик и, вгоняя Лонга в оторопь – выходит, даже простым подрядчикам известен расклад сил в императорском претории?! – высказал суждение: – Разумно. Тогда ты сам должен знать, почему вокруг императора так много людей, которые жаждут укоротить наместника.

Грек неожиданно посерьезнел и, как бы через силу сообщая великую тайну, добавил:

– Говорят, было пророчество. Астрологи объявили, что нашему умнику недолго коптить землю. Далее понимай как знаешь. Здесь, в городе, опасаются, как бы Антиохию в случае чего не взяли штурмом, ведь мы все заложники Адриана. Он будет обороняться до последней возможности, а нам это зачем?

Он помолчал, потом еще злее добавил:

– Разве что женщины встанут на защиту своего любимчика. Уж он потаскался в Антиохии.

После короткой паузы местный высказал пожелание:

– Вы, римляне, постарались бы решать свои дела в Риме или в Италии. Там и волочились бы за чужими женами.

Эти слова префекту оптимизма не прибавили.

Та же рабочая обстановка встретила вновь прибывших во дворце наместника. Несмотря на поздний час, на небе уже зажглись звезды, все, находившиеся во дворце, были при деле, празднующихся по коридорам и залам роскошной двухэтажной виллы не было. Таков был стиль Адриана, знакомый Лонгу еще со времен сарматской войны, когда за каждого бездельника отвечал его непосредственный начальник.

⁸ Антиохия – столица провинции Сирия, третий по величине город в империи после Рима и Александрии. Население более шестисот тысяч. Важный торговый центр и промышленный центр азиатских провинций. Знаменит святилищем Аполлона Дафнийского, гробницей Германика и центральным проспектом длиной около 7 км. Проспект по ночам освещался и был украшен крытой колоннадой. Население составляло 600 тыс. человек.

⁹ Землетрясение произошло 13 декабря 115 года.

¹⁰ Мера длины, тысяча двойных шагов, 1,598 км.

Гостей из Рима Адриан встретил лично. Вышел в зал, поздоровался с центурионом, с сингуляриями, с Лонгом – даже взглядом наместник не позволил себе выказать пренебрежение префекту. Квесторов не было – этих какой-то раб увел сразу, как только был доставлен груз золота.

Центурион передал наместнику личную почту. Тот в присутствии гостей бегло просмотрел сопровождающие надписи на свитках и запечатанных пакетах, затем жестом приказал сопровождавшему его рабу убрать корреспонденцию. Наместник поблагодарил за службу и распрощался с прибывшими. Ларция попросил задержаться. Когда они остались одни, наместник спросил:

– Все-таки явился?

Лонг позволил себе пожать плечами.

– У меня приказ.

– Ну-ну, – кивнул Адриан и после недолгой паузы распорядился: – Можешь отправляться. Захватишь с собой отчеты о поставках в действующую армию.

Расставшись с Корнелием Лонгом, наместник Публий Элий Адриан, несмотря на поздний час, задумчиво напевая про себя мелодию, сочиненную, как утверждают, безумным Нероном¹¹, направился в кабинет-таблиний, где первым делом просмотрел присланную корреспонденцию. Письма, послания, просьбы, запечатанные свитки уже были разложены по месту отправления и по важности, которую определял раб, сопровождавший наместника во время аудиенции и имевший доступ в таблиний. Его, сорокалетнего, зрелого мужчину, исполнявшего при наместнике обязанности секретаря, звали Флегонт, хотя раб предпочел бы, чтобы его, как и хозяина, окликали «Публий» или (что, конечно, звучнее) «Публициан»¹². Как-то он заикнулся господину о своем желании.

– Мечтать не вредно, – пожал плечами Адриан.

На том дело и кончилось.

Долговязый, узкоплечий Флегонт был родом из Тралл. Человек он был образованный, преподавал историю, а в рабство угодил из-за любви к морским путешествиям – корабль, на котором он следовал в Рим, захватили пираты. Флегонт отличался редкой добросовестностью и страдал, как и его хозяин, той же неумной страстью все раскладывать по полочкам. Записки от скукавших женщин, после недавнего, названного «последним», предупреждения императрицы, Адриан приказал сжигать не распечатывая. Секретные донесения хранились в запираемом ящике. Ключ от замка Адриан носил на пальце – это был особым образом ограненный изумруд.

Наместник вставил камень в прямок, чуть нажал. В замке что-то мягко и мелодично звякнуло, и ящик сам выдвинулся из гнезда. Секретов в тот день было немного, разве что письмо от Аквилія Регула Люпусиана, доставленное под вечер, как раз перед аудиенцией.

Письмо было начертано на папирусе. При переписке с друзьями и доверенными лицами предпочтение всегда отдавалось папирусу – на нем писали только на одной стороне, к тому же особым образом запечатанный свиток нельзя было вскрыть незаметно.

Наместник осмотрел послание, проверил торцы – не касалась ли их чужая рука. Все метки были совмещены. Затем осторожно отрезал прикрепленную печать, развернул начало.

Глянув на исписанные столбцы, кратко, но вполне пристойно выругался – боги тебя накажи! Почерк у волчонка был наимельчайший. Пришлось воспользоваться оптическим прибором. Наместник приставил к глазам вставленные в серебряную оправу округлые

¹¹ Эта песенка, предположительно, очень напоминает знаменитую «Санта Лючию».

¹² Вольноотпущенники получали родовое имя своего господина, отпустившего их на волю. Личное имя выбиралось произвольно, но в большинстве случаев принималось личное имя отпустившего. Прежнее их имя, которым они именовались в рабстве, обращалось в прозвище. Флегонт мечтал, что когда-нибудь его будут называть Публий Элий Флегонт.

камешки из горного хрусталя, позволявшие тем, у кого ослабло зрение, с легкостью прочитывать любые, написанные самым мелким почерком, письма.

Лупа сообщал, что его соглядатай в доме сенатора Гая Авидия Нигрина зафиксировал встречу хозяина с доверенным человеком попавшего в немилость проконсула Лаберия Максима. Во время беседы, крайне неблагоприятной для наместника Сирии, речь шла о восточном походе, «на который твои недоброжелатели, Публий, возлагают великие надежды. Там, в походном претории императора, спаянные необходимостью поддерживать друг друга, они куда быстрее договорятся между собой. Хуже всего, что на такой дали от Рима император, чье здоровье внушает известные опасения, будет полностью в руках своего окружения. Боюсь, что усилия нашей покровительницы могут оказаться безуспешными, ведь, как известно, прав всегда тот, у кого больше прав. Их право – легионы. У твоих противников легионов больше, чем у тебя, Публий. Это жестокая правда, к ней следует отнестись мужественно.

Что делать, ума не приложу. Как разбить выстраиваемый против тебя единый фронт? Уповать на богов или бросить им вызов? Верить, что, двигаясь в выбранном направлении, мы исполняем волю Юпитера Статора – выполняем последовательно, не щадя себя? Это тоже важно, но в таком случае следует ждать знамения, такого поворота событий, который бы подтвердил нашу правоту.

А если не будет знамения?..

Заканчивая о грустном, напомним о том, что сенат настроен против тебя, и настроен решительно. Это тоже правда, пусть и горькая. Все попытки сенаторов Аррия Антонина, Анния Вера и Клавдия Максима Барбара, а также других трезвомыслящих мужей втолковать отцам-сенаторам, что поход на восток может оказаться неподъемным бременем для государства, что недоимки по налогам с провинциальных городов перевалили за миллиард сестерциев и нет никакой надежды на то, что в будущем должники расплатятся с казной, остаются безрезультатными. В провинциях резко увеличилось количество непредусмотренных договорами принудительных платежей в пользу воюющей армии. К подобным “разовым”, “подтверждающим любовь народа к императору” инициативам, приложил руку не кто иной, как вольноотпущенник императора Ликорма. Эта новость тоже не из приятных, по крайней мере, ранее Ликорма в крохоборстве и алчности замечен не был.

Публий, нас не слышат, зато очень прислушиваются к громогласному и внушительному басу Нигрина, который в эти дни напоминает скорее пение сладкозвучной бородатой сирены, чем жужжание настырного овода, постоянно жалящего власть. Нигрин хватается за любую возможность воздать хвалы нашему Одиссею, решившему достичь неизведанных индийских берегов. Сказка, Публий, порой, действует увлекающе даже на самые трезвые умы, особенно когда повествование начинается такой исполненный величия и божественной славы Гомер, как наш император, и его поддерживает хор могучих певцов, составленный из Лузия Квиета, Пальмы, Цельза и им подобных».

Публий Адриан резко, подальше от глаз отодвинул оправленный в серебро хрусталь. Некоторое время он сидел молча, осмысливая вписанный между строк приговор. Лупа настойчиво намекал – поход в Индию означает конец для него, племянника императора, его воспитанника, самого близкого к Траяну человека. Что ж, дакиец прав – конец будет ужасен.

Он еще раз перечитал страшный по своему смыслу отрывок.

Прекрасно сказано! Последняя фраза, особенно звучная, обещающая ему смерть, звучала очень внушительно. «Хор могучих певцов»! Воистину этот сложенный хор любого загонит в гроб.

Любого, кто посмеет встать у них на пути!

С этим надо смириться? Отойти в сторону, взяться за сочинение мемуаров, писать эпиграммы, благодетельствовать хорошеньких актеров? Или заняться философией и преподаванием греческой мудрости, к чему он всегда испытывал душевную склонность.

По крайней мере, Лупа оказался оправдавшим его надежды учеником. Сравнения подобраны гармонично, со вкусом. Дакский волчонок сумел превзойти учителя, дававшего ему первые уроки искусной римской речи.

Адриану пришло на ум, что было бы неплохо, если его враги зачитают ему приговор, составленный не менее искусным ритором. Чтобы при чтении пронимало до слез. Не от страха – Адриан давным-давно сжился с возможностью подобного исхода, – но от напоминающегося оборота, которым можно восхититься в последнюю минуту перед гибелью. В обнимку с красотой, вкусив совершенства, и умирать легче. Можно потребовать от обвинителей факелов, стечения народа, парадных воинских шеренг!.. Публий усмехнулся – картина выстраивалась впечатляющая. Это будет достойный финал самой душераздирающей трагедии, которая может случиться в Риме в середине восьмого столетия от основания города. На подобные громовые эффекты были так щедры Эсхил, Софокл и Эврипид. Умереть под звуки боевых труб, в последний раз обнявшись с женой Сабиной... Нет уж, возразил Адриан, лучше с этой дакийской кошкой Зией – ее объятия были и слаще, и продолжительнее. Сабина даже в тот момент, когда палач занесет меч, найдет повод укорить мужа, – например, в том, что тот нарядился не сообразно моменту, что неопрятно, а порой неразборчиво ест и волочится за чужими женами. Плеснуло прежней, так и не переваренной до конца обидой. Была бы женушка менее занудливой и привередливой, пореже напоминала о своем царском происхождении, бегал бы он от такой красавицы по чужим спальням?

Адриан отогнал неуместные, припахивающие постной кашей воспоминания и вновь погрузился в волнующий поток фантазии – вернулся к сцене казни. От него перед самой запевкой хора потребуется только одно – какая-нибудь историческая фраза, вроде «я сделал все, что мог, пусть те, кто могут, сделают лучше». Или что-нибудь в том же духе. Он подумает об этом на досуге.

Поток фантазий был прерван появлением Флегонта, доставившего послание, на котором были нарисованы три десятки.

Адриан помрачнел, жестом указал рабу, куда положить пакет, кивком отослал из табличия.

Фантазии питательны, но, к сожалению, чрезвычайно хрупки. Всякое постороннее вмешательство способно вмиг спустить мечтателя на землю, а уже стоя на земле, опершись о грубую действительность, бессмысленно представлять торжество своих врагов как окончание последнего акта возвышенной трагедии. Скорее это будет фарс, безыскусная народная дешевка. Все будет проще, приземленней. К нему пришлют убийцу, тот сразит его мечом, причем – Адриан внезапно уверился в этом – центурион будет метить в заднепроходное отверстие. Таков будет приказ. Или, что еще отвратительнее, перед смертью его заставят его жрать собственный кал, который он извергнет в страхе за свою жизнь.

Не дож-де-тесь!

Он вздохнул, вновь нацепил на нос оптический прибор и продолжил чтение.

«Что касается Ларция, ты знаешь его. Я посмел лишь осторожно намекнуть отставному войске о возможных непредсказуемо-тягостных последствиях этой поездки, но ты, Публий, знаешь Лонга – получив приказ, он готов расшибить лоб об стену. Однако смею думать, что, как бы ни ликовали наши недруги, присутствие в ставке меднолобого может оказаться нам полезным, ведь его очень трудно подвигнуть на преступное деяние.

Только не пытайся убеждать его, переманивать на нашу сторону – он упрям и глух к словам. Он беспробудно убежден, что та сторона, на которую он встанет, будет непременно спасительной для Рима. Простак, он не понимает, что его постараются разыграть втемную,

ведь недаром Нигрин уговаривал Ларция взять с собой мою соотечественницу, известную тебе особу. Ларций отказался, но мы умоляем тебя быть осторожнее с женщинами. Развлекайся с мальчиками – это солидно, в духе традиции и, главное, менее опасно, чем набег на чужие спальни. В Антиохии не любят римлян, особенно тех, кто не прочь поволочиться за местными красотками. Публий, будь осторожен, ведь мы уверены, что наше дело правое.

Рим для меня, иноземца, счастливчика, изнасилованного римским легионером и вознесенным на небывалую высоту главным римским клеветником, сенатором Регулом – отечество. Как и для тебя, мой дальновидный Публий! Мне нестерпимо жить, ожидая, когда это здание, выстроенное также и моими предками, ведь по матери я природный римлянин, – рухнет, а поход на восток неизбежно приблизит крах. В этом многие с тобой, избранник, едины. Мы готовы покориться воле богов, но только не ты, Публий! Ты единственный, кто способен поспорить с богами. Ты обязан с ними побороться – как с теми, кто на земле, так и с теми, кто на небесах. Это трудно, это нестерпимо трудно, но мы верим в тебя, в твою выдержку и прозорливость. Мы верим, что ты, столько испытавший в жизни, останешься невозмутим.

Мы верим, что у тебя хватит разума и терпения, чтобы повергнуть врагов.

Мы верим, что боги благосклонны к тебе, о том свидетельствуют столько знамений.

На том прощаюсь.

Vive valeque!¹³

P.S. Если Корнелий Лонг прибудет в Антиохию после того, как ты получишь это письмо, прошу тебя – сообщи ему, что на днях в окрестностях Рима, на Соляной дороге, были жестоко убиты два его старых недоброжелателя, Порфирий и Павлин. Убили их зверски, истыкали тела иудейскими ножами, вырезали внутренние органы. Подозреваю, что здесь не обошлось без известного тебе разбойника. Это странно, ведь мои соглядатаи сообщают, что разбойник укрывается в провинции Азия. Я пока сам не могу понять, в чем дело, но умоляю – ради великих богов, ради милосердия, в силу твоей неприязни к людям и, следовательно, из интереса к ним, из интереса, который должна вызвать у тебя эта история! – предупреди Ларция!»

Некоторое время наместник размышлял о широких возможностях, которые предоставляет искусному оратору трогательная, пересыпанная мольбами и увещеваниями речь.

Как легко с помощью этого стиля, в котором искренность должна быть искусно сопряжена с умением выстраивать риторические обороты, можно внушить человеку энтузиазм, вдохновить смертного на спор с богами.

Лула неплохо овладел ораторским искусством, такое письмо мог написать и греческий философ. Жаль, что Лула не философ, тем более не грек. Он злоупотребляет пословицами и риторическими сравнениями, что говорит об изначальной чужеродности автора латинскому языку. Вот он и попытается, стараясь добиться совершенства. «Великие надежды» – это плохо, лучше «большие надежды». Худо и «на такой дали от Рима», проще и изящней – «в такой дали». Не смотрится и «у тебя хватит разума и терпения, чтобы повергнуть врагов». К сожалению, терпением врагов не перетерпишь, разумом не передумаешь! Впрочем, Овидий как-то заметил – пусть не достает сил, однако усердие достойно похвалы. К тому же только такие неофиты, как наш удачливый дакиец, достигают высшего мастерства. Исконные римляне спесивы, невежественны и презирают все, что не приносит выгоду. Уж кому, как не ему, Публию Элию Адриану, мальчонкой привезенному в Рим из глухой провинции в Испании, судить об этом.

Помнится, он, Публий Элий Адриан, тоже начинал с риторических оборотов. Сколько насмешек, публичных обвинений в невежестве сыпалось на него в Риме!

¹³ Живи и будь здоров! (лат.)

Сколько было сверстников, строивших ему рожи и дразнивших его за неуклюжую крестьянскую речь, выношенную в глубинах Испании. Сколько было желающих проверить крепость его мускулов. Что ж, он достойно отплатил своим хулителям, их жены вполне оценили мужественность и настойчивость молодого провинциала. Помнится, его особенно домогалась чернокожая супруга Лузия Квиета. Он был холоден с ней. Понятно, что Лузий, узнав об этом, смертельно возненавидел «паскудного молокососа»! Но это дела мальчика, не мужа. Теперь он, Публий Элий Адриан, возвысился до сочинения стихов, чего и Лупе можно пожелать!

Вначале, когда после смерти консула Суры он начал писать дяде речи для произнесения в сенате, ему тоже было трудно обойтись без подобных подпорок. Он тоже то и дело вставлял – третьего не дано, закон суров, но это закон, кто имеет уши, пусть слышит, орел мух не ловит, – и много подобной ерунды, с которой легко умирать, но трудно жить. На это способен только такой меднолобый служака, как Корнелий Лонг. Ему все равно, он лишен воображения, а ему, человеку с воображением, становится очень не по себе, когда воображение рисует меч, занесенный над его головой. Хорошо, если меч, а то замшелые пни не поспеют на удавку, либо на мучительный яд, а то выдумают что-нибудь чрезвычайно безжалостное. Например, уморят голодом или сварят в кипятке.

Интересно, куда в случае использования кипятка упорхнет моя душа? Сумеет ли она воспарить сквозь булькающую, обжигающую воду и несметное количество пузырьков?

Душа моя, вечная странница,

Невольная тела попутчица.

Куда уйдешь ты...

Здесь он запнулся. Далее ничего достойного на ум не приходило...

Боги, подскажите, отчего вы с такой щедростью сеете страхи, не скупитесь на ужасы, награждаете воображением и безысходными мыслями, заставляете душу дрожать от неизвестности?

Все, хватит ныть! Пора за дело. Что там, в провинциях? Кстати, скоро полночь. Сидеть! Сидеть!!

Наместник еще раз, уже более жестко, приказал себе оставаться на месте, и тут же встал. Проклиная всех и все, себя в первую очередь, поспешил на балкон, на который выходил его кабинет

Здесь укрылся за одной из изящных коринфских колонн, из которых была составлена роскошная аркада, скрывавшая балкон.

Глянул в ночную тьму.

Слева близкой россыпью огней высвечивали казармы. Вплотную, позади и слева, к казармам примыкал обозначенный искрящими на ветру факелами ровный прямоугольник. Там помещалась темница и огороженные сетями ячейки, в которых содержались менее опасные преступники, расследование чьих преступлений затягивалось.

Справа вычерчивалась нескончаемая геометрическая прямая – главный проспект города. Каждый вечер светильники, установленные на колоннах, образовывавших два гигантских портика по обеим сторонам проспекта, заправляли их нафтой. Наместник строго следил, чтобы в городе было светло, чтобы сохранялся порядок, но угодить местному сброду, называющему себя греками, сирийцами, евреями, арабами, было невозможно. Тем же христианам, например. Он старался жить с ними в мире, но как это возможно, если их предводитель, не по годам бойкий старикашка Игнатий, без конца бродит по городу, обличает, призывает, требует. Несет, так сказать, благую весть, которая находит отклик исключительно среди невежд. Но Игнатий – это полбеда, хуже, что сами христиане, уверовав в единого Бога, тут же разбились на секты, и начали враждовать друг с другом. Причем в каждой секте свой верховный жрец, свой проповедник!

Один безумнее другого!

Самым безумным наместнику представлялся некто Елксей². Правда, самого Елксея Публию застать не довелось, тот отправился в Аид перед самым приездом наместника, но вот с его преемником и противником Епифанием, сумевшим расколоть и эту небольшую общину, встретиться посчастливилось. Епифаний был из самых непримиримых, жаждущих, не взирая ни на какие трудности и обстоятельства, донести до непосвященных собственную «благую весть». Он называл себя «пресвитером» и утверждал, что Елксей скрыл правду от своих последователей, ведь вкупе с книгой откровения ангел исполинских размеров¹⁴ одарил его и некоей «золотой рукой», исцеляющей и дающей вечную молодость. Однако на самого Елксея в силу висящего на нем изначального греха сила, заключенная в руке, не подействовала. Поэтому тот из зависти и злобы отказался передать святыню Епифанию. Он заключил договор с язычниками и, прежде всего, с сатанинским отродьем – жестокими римлянами, которым передал золотую руку и упросил их спрятать святыню от посвященных.

Главным препятствием к возвращению руки Епифаний считал наместника Сирии. Он называл Адриана порождением Аида, ожившей Лернейской гидрой, пожиравшей уверовавших в Христа мучеников. Адриану несколько раз удавалось перехватывать подосланных Епифанием убийц. Покушения были какие-то игрушечные, больше крика, женских воплей, разодранных одежд, чем реальной опасности. Возможно, тем самым какой-то его недоброжелатель пытался держать наместника в постоянном напряжении, чтобы тот больше заботился о собственной безопасности, чем о государственном жезле.

Когда соглядатаи наместника обнаружили в предместьях Антиохии укрытие, в котором прятался «пресвитер», его взяли под стражу, однако уже через сутки Епифанию удалось бежать. Как это случилось, кто ему помог – осталось невыясненным. Епифания преследовали, но догнать преступника удалось только в каком-то небольшом поселении на берегу Евфрата. Там, как оказалось, было расположено логово этих самых елказаитов. К сожалению, преступнику, спрятавшемуся среди своих последователей, снова удалось уйти. В отместку центурион пригнал в город всех жителей этой небольшой деревушки.

Когда их доставили в Антиохию, наместник вышел посмотреть на редких даже для Азии безумцев, уверовавших в самую отвратительную ложь, которую только способен выдумать извращенный человеческий разум. Он мельком оглядел пленных. Все они были грязны, оборваны, смотрели злобно, исступленно. Он не решился подойти к ним – более всего Адриан опасался наемных убийц, потому что, по словам тетюшки, вопрос о передаче ему власти над Римом был решен. Император уже несколько раз посматривал на алмазный перстень, который почти двадцать лет назад в знак усыновления прислал ему император Нерва. Однажды даже спросил совет у жены, не пора ли вручить его Публию?

– Пора, – согласилась Плотина.

– К сожалению, – добавил император, – объявить о своем решении можно только после окончания восточного похода, когда в зените своей славы он без труда сумеет обуздать всякого, кто решится возразить против его выбора.

Уж слишком много врагов нажил Публий посредством своего языка и бесчисленных походов, и он, Марк Ульпий Траян, не уверен, что племянник сможет противостоять их объединенным силам.

– Так помоги ему, – предложила императрица.

– Чем? – вздохнул Траян. – После его смерти грош цена будет всем словам, эдиктам, предписаниям. Только сам Публий может помочь себе.

Он, император, мешать ему не будет.

¹⁴ 32 мили в высоту (Э. Ренан. Евангелия и второе поколение христианства. Глава XX. Секты Сирии – Елказай).

Далее, как писала императрица, Марк согласился с тем, что после покорения огромного предполья, простиравшегося от берегов Тигра до Оксарта (Инда) на востоке и до Окса (Амударьи) и Яксарта (Сырдарьи) на севере, можно было дать ход идеям племянника о приоритете мира перед войной. Но никак не ранее, поэтому, отрезал император, и речи не может быть о передаче перстня Публию. Он собирается воевать с парфянами, а не со своим ближайшим окружением. Раскол в верхах чреват поражением, и он в любом случае не допустит разности мнений по поводу престолонаследия. После похода в Индию дорога перед Публием будет открыта.

«Так что, мой дорогой сынок – ведь ты всегда был мне как собственный сын, которого меня лишили боги, – приложи все усилия, чтобы не поддаться на уловки врагов. Держи себя в руках, будь осторожен и проницателен».

Это было обнадеживающее известие, оно давало некоторую уверенность в будущем.

...Взгляд наместника привлекла молоденькая пленница. Этакая смазливая, расцарапанная, вызывающе – или завлекающе? – поглядывающая на Публия кошечка. Сквозь разорванную одежду проглядывала аппетитная плоть, очертания груди не портил даже обширный кровоподтек на левом упругом, почти открывшемся арбузике. Наместник отметил, что у нее богоподобная фигура, она могла бы послужить отличной моделью для умелого скульптора, собравшегося воссоздать богиню красоты. Звали дикарку на удивление возвышенно и необычно – Эвтерпа. Адриан невольно вздыбил брови – Эвтерпой называли одну из девяти муз, спутниц Аполлона. Она являлась покровительницей любовной поэзии и сладостной музыки. Она же осеяла избранных вдохновением, наделяла их ощущением прекрасного, вела к совершенству. К ней в пылу творческих мук чаще всего обращался Адриан.

Это имя удачно прилагалось к тоненькой, злобно-обворожительной в своей ненависти дикарке. Адриан, посчитавший встречу с такой необычной пленницей знаменем свыше, был готов тут же освободить ее, отправить в термы, где ее отмоют, замажут кровоподтеки и царапины, расчешут темные кудри, оденут в драгоценный узорчатый хитон, вручат двойную флейту, непременно приложение к Эвтерпе. Он будет предупредителен, ненавязчив. Он будет учить ее играть на флейте. Он сам попробует вылепить из нее Венеру, ведь надо же когда-нибудь применить на деле навыки, полученные у скульптора Поллукса.

К какой ипостаси богини красоты тяготеет душа пленницы?

К Венере Искушающей или, может, Венере, несущей гибель?

Родилась надежда – когда прекрасная дикарка увидит свой портрет, она отгадет и распахнет ему, поклоннику красоты, свое сердце, примет его в свое нежное, пусть и несколько подпорченное легионерами, лоно. Уж связь с дикаркой, по существу рабыней, никто из его врагов не сможет поставить ему в вину?!

Перспективы были самые вдохновляющие, способные вполне отвлечь от тягостных размышлений о будущем, если только не принимать во внимание то, как рассвирепеет дядя, узнав, что племянник вновь занялся позорным ремеслом ваятеля. То-то обрадуются его враги. Охваченного страстью смертного легче всего принудить подписать себе смертный приговор.

Старый центурион, командовавший отрядом, захватившим елказаитов, отважился предупредить наместника.

– Не стоит связываться с ней, господин. Она дика, никто из моих ребят так и не сумел овладеть ею.

Адриан вскинул брови.

– Ты хочешь сказать, Постумий, что она не далась никому из твоих ребят?

– Так точно, господин.

– Я прикажу наказать тех, кто отступил перед преступницей.

– Наказать недолго, – вздохнул центурион, – только, по правде говоря, я бы на вашем месте щедро наградил их.

– За что же? – изумился наместник.

– За то, что они первыми испытали на себе ее ненависть. Она ранила Теренция и Марка-Ублюдка. Когда я приказал наказать ее, все пленные стали совсем бешеные и с голыми руками бросились на легионеров. Я исполнил твой приказ, господин, и мы связали этих обезумевших, доставили в Антиохию, но более нам не хотелось бы иметь с ними дело. Я бы на твоём месте приказал немедленно перебить их всех. Это ядовитое семя, господин!

– Будь ты на моём месте, Постумий, ты тоже не стал бы спешить с решительными мерами. Полезнее узнать, что именно толкает этих людей на безумные поступки.

– А по мне, – добавил стоявший поблизости Марк-Ублюдок, тощий, жилистый, с унылым лицом принцепал¹⁵, – кончить их, и дело с концом.

– Кончать будете, когда прикажу.

Он ещё раз, не скрывая любопытства, оглядел пленников, больше напоминавших двуногих зверьков, чем обладающих разумом смертных.

Когда он приказал увести пленных, Эвтерпа неожиданно бросилась к наместнику и попросила дать ей флейту.

Адриан удивился:

– Зачем тебе инструмент? Ты умеешь играть на флейте?

– Да, наместник.

– Ты верно назвала мою должность.

– Я грамотна, наместник.

– Тогда, может, ты не прочь сыграть на флейте в моей опочивальне?

– Охотно, господин.

Адриан усмехнулся.

– Ты хитра, Эвтерпа, но и я не дурак. Жизнь мне дороже, чем твои прелести, даже если омыть их теплой водой, смазать благовониями и угостить тебя любовным напитком. Я полагаю, ты постарайся убить меня после удовольствия, не так ли?

Девушка не ответила, но ее взгляд и особенно лица ее сообщников, на которых во время этого разговора нарисовалось что-то подобное надежде, подтвердил, что наместник угадал замысел преступницы.

Он повернулся и направился к дворцу. На ходу приказал Постумию:

– Дайте ей флейту.

С того дня, вот уже второй месяц, в полночь с охраняемой легионерами тюремной территории долетала нежная мелодия. Если ветер был с той стороны, музыка становилась громче, чище, трогательней. Ей вторил хор хрипловатых, простуженных голосов, воспевавших доблести Елксея и Эпифания, а также Святого Духа, который, по мнению елказитов, был женского рода, и скорое спасение тех, кто уверовал в светлого ангела ростом под небеса.

* * *

...Эвтерпа и ее товарищи не заставили себя ждать.

Зазвучавшая на два голоса флейта заставила Адриана затаить дыхание. Мелодия была грубовата, но исполнена силы. Слова молитвы были безыскусны и глупы. Пленники молили о вечном спасении, о скором суде, на который все они явятся в обнимку со священной книгой и золотой рукой.

¹⁵ Знаменосец, старший солдат, получавший полуторный или двойной оклад. В легионе их было 500 человек.

Вот что не давало покоя. Адриан, заинтригованный встречей с женщиной, якобы олицетворявшей его музу, приказал особо присматривать за пленницей. Учитель музыки, прослушавший ее игру, утверждал, что Эвтерпа посвящена в законы гармонии. Другими словами, она где-то училась, причем у отменного педагога. Следовательно, ее нельзя было считать сельской простушкой. Эвтерпа объявила, что грамотна, выходит, чему-то ее учили, в чем-то наставляли! Почему же она так легко поддалась на лживые слова какого-то проходимца и разбойника, о преступлении которого Лупа просил предупредить Корнелия Лонга.

Пленница была прелестна, но далеко не так дика, как старалась прикинуться. Со временем, справившись с оторопью, сразившей его во время первой встречи, переборов мистику загадочных совпадений, имевших божественный отсвет, Публий, подключив соображение, скоро пришел к выводу, что в этой бабенке таилась добрая порция яда или, скажем проще, лжи. Она была не так молода, какой казалась, хотя и не успела лишиться налета невинной юности. Красота ее была искусно – очень искусно! – подправлена всякими женскими хитростями и аппетитную грудь, так обольстительно выглядывающую из разорванной туники, тоже можно было бы прикрыть, однако этого сделано не было.

По какой причине?

Она метила в него, в наместника Сирии?

Эту догадку тоже нельзя было исключать.

Вот что более всего тревожило Публия, знатока, эстета, поклонника красоты, всегда утверждавшего, что красота – великая сила, и без воспитания вкуса ни о каком совершенствовании в добродетелях и речи быть не может. С каждым днем Эвтерпа играла все деликатней и соблазнительней, ведь двойная флейта – лучший инструмент для разговора о том, что смертные называют любовной страстью. Все равно в ее игре, увлекающей грубо, зовущей голосисто, не было намека на истину. Фальшь ощущалась не в переборе звуков, а где-то в глубине мелодии. Возможно, такова была манера ее педагога, но, если принять техническое совершенство, с каким Эвтерпа справлялась с трудными пассажами, это должен быть очень дорогой учитель. Откуда у крестьянской девушки, выросшей в заброшенной деревушке на Евфрате, такие средства? Кто оплатил учебу? У Публия был особый нюх на опасность. Ранее он без раздумий рискнул и сыграл бы с Эвтерпой в опасную игру. Победа осталась бы за ним, потому что его мужская сила ломала всякое, самое крепкое, женское сопротивление. Он и с Эвтерпой справится, однако на это необходимо время, а вот времени у него не было. Он никак не мог сидеть у моря и ждать погоды. О том напоминала императрица, заставившая его унять любовный пыл. О том же напоминал Лупа.

Поразмыслив на досуге, он приказал выяснить все об этой девице – кто она, откуда, как попала в логово елказаитов. Потребовал от Флегонта посадить к пленным толкового человека, который бы изнутри следил за фанатиками и выяснил, кто помог бежать Епифанию. Носом чуял – здесь возможна крупная пожива. Может, эта девица – вовсе не Эвтерпа, а лишь хитроумно назвалась ею, чтобы привлечь к себе внимание известного любителя сладкозвучной поэзии? Тогда кто надоумил ее взять это имя?

Может, подвергнуть пыткам?

Исход неясен, женщина может проявить твердость.

Попытаться приблизить ее к себе, овладеть ею?

Она только и мечтает об этом.

Он внезапно уверился – она только и ждет, когда можно будет вползти в его постель, вцепиться в его душу!

Конечно, он не допустит этого, но, имея дело с женщинами, никогда нельзя сказать, что ты просчитал все до конца.

Вспомни Зию!

Приютив дакийскую кошку, провернув с ней занятное дельце, касавшееся отмщения меднолобому префекту – они ловко выставили его дураком, – он тоже полагал, что это ненадолго. А как вышло? Пришлось с кровью отрывать наложницу от сердца. Хорошо, что этот ломоть можно было считать отрезанным напрочь.

На глазах выступили слезы.

Если бы не Рим, не власть, не вынужденная смертельная схватка за жизнь – не за власть, а просто за существование, потому что никто из победивших претендентов не расщедритя и на лишний час жизни для него, – он никогда бы не отпустил от себя эту неласковую, жгучую, чрезвычайно энергичную, порой неумеренно громкую, порой капризную, всегда беспокойную, постоянно что-то затевающую, обожающую всякие сплетни и слухи, с удовольствием повторяющую всякую чушь, но такую прелестную женщину! Чего-чего, а вилил у него хватает, достатка тоже...

От чего можно спастись, лишившись разума? Разве что от жизни!

Он вернулся в кабинет, решительно вскрыл письмо, помеченное тремя косыми крестами. Он был готов узнать что-то совсем страшное, грозившее ему немедленной гибелью.

Душа его, нежная душенька, запела тоненько, колеблясь и содрогаясь, однако он сумел взять себя в руки.

Прочитал: «По непроверенным данным, Хосрой, царь парфян, разгромил взбунтовавшегося Маниазара и теперь со всем войском направляется к западной границе. Его люди подговаривают местное население к бунтам против римлян. Они доказывают, что италийцы увязли настолько глубоко, что им не выкарабкаться. Хосрой готовит наступление, план его неизвестен, однако кое-кто утверждает, что оно будет увязано с бунтами в городах Месопотамии, Адиабены и Армении. По предварительным данным, многие арабские шейхи и, прежде всего, владыка Гатры, подтвердили клятвы верности Хосрою. Они дали согласие на объединение своих действий с парфянами».

Адриан позвонил в серебряный колокольчик.

Вошел Флегонт.

– Где префект Лонг?

– Отдыхает, господин.

– Разбудить! Доставить ко мне.

Раб направился к выходу.

– Подожди!.. – окликнул его наместник. – Не будем спешить. Подождем подтверждения.

Менее всего Адриану хотелось, чтобы такие важные сведения раньше времени достигли Харакса, где Траян готовил морскую экспедицию в Индию. Тем более нельзя было допустить, чтобы оно прошло через Ктесифон, где окопались его заклятые враги Квиет, Цельз, Пальма, легат XXII легиона Максим. Его объявят паникером, нагнетателем страстей, готовым без раздумий подставить под удар интересы государства. Мало ли что они способны придумать, ведь, с их точки зрения, Риму не страшны укусы каких-то мятежников.

В этот момент его и кольнуло – так ли уж безобидны эти укусы?

Если мятеж разрастется, взбунтовавшиеся азиаты, возможно, втолкуют дяде, что поход в Индию – предприятие фантастическое и крайне обременительное для государства.

Так, так, так... Что-то еще мелькнуло из недавнего.

Мыслишка простенькая, но дельная. Пугающая. Что-то из письма Лупы.

...Ага, вот оно:

«Сказка, Публий, порой, действует увлекающее даже на самые трезвые умы, особенно когда повествование начинается такой исполненной величия и божественной славы Гомер, как наш император, и его поддерживает хор могучих певцов, составленный из Лузия Квиета, Пальмы, Цельза и им подобных».

Прочитав эти строки, он подумал о том, что подобный слаженный хор кого угодно загонит в гроб.

Если слаженный?

Он отчаянно потер виски. Нельзя же скопом подавлять восстание?.. На Индию можно двинуться в едином строю, но мятежи – событие непредсказуемое. То там загорится, то здесь. При таких обстоятельствах ни о каких слаженных действиях говорить не приходится. Туда бросят Квиета, сюда – Цельза. Они потеряют контакт друг с другом, и это очень на руку ему, Публию Элию Адриану.

Он неожиданно и страстно взмолился: «Боги, милые, великодушные боги, накажите моих врагов разбродом! Разорвите их спаянный круг!» Следом вполне холодно и трезво прикинул – в любом случае следует действовать без посредников, тем более, если таковым является сообщник «замшелых пней» и сам «медный лоб».

– Когда Лонг собирается отправиться в Ктесифон? – сдерживая волнение, спросил Адриан.

– Завтра на рассвете. Он заявляет, что не может ждать.

– Пусть отправляется, – кивнул наместник. – Препятствий не чинить, наоборот, дать конвой и поторопить его.

Когда раб вышел из кабинета, Публий вспомнил о просьбе Лупы, просившего сообщить Лонгу о страшной участи постигшей Павлина и Порфирия.

«Ничего, дело неспешное. Позже сообщу. А пока надо уточнить факты, изложенные в донесении».

Перед восходом солнца, на самом краешке ночи в канцелярии наместника вновь началась работа. Застрочили писцы, забежали вольноотпущенники, поскакали гонцы.

Как только встало солнце, подрядчики вывели мастеровых и рабов на улицы Антиохии.

Глава 4

В главной императорской ставке, расположившейся в Ктесифоне, во дворце бежавшего парфянского царя, – средоточии администрации, собранной для руководства вновь образованными, завоеванными провинциями Арменией, Ассирией и Месопотамией – Ларция ожидал куда более теплый прием. Им сразу начали восторгаться, каждый настаивал на том, чтобы лично поздравить префекта с прибытием. Самые видные особы – командовавший вспомогательным корпусом, проконсул Лузий Квиет, проконсул Публилий Цельз, наместник Аравии Корнелий Пальма Фронтониан, командир Двадцать второго Дейотарова легиона и начальник столичного гарнизона Марий Максим – лично приветствовали Лонга. Назвали его «старым другом» и «верным товарищем». Самого Траяна на месте не оказалось – он возглавил главную колонну, двигавшуюся на юг в сторону Персидского залива по правому берегу Тигра.

Настроение в окружении императора было самое боевое. Все рвались в Индию. Самый захудалый раб, выносивший объедки с императорской кухни, вслух грезил этой сказочной страной. Никогда раньше Ларцию не доводилось слышать столько разговоров о сокровищах и поразительных чудесах, которыми славилась Индия. Многочисленные бездельники-арда-льоны из богатых семей, наводнившие ставку и слонявшиеся из зала в зал, без конца рассуждали о размерах добычи, которую римские легионы могли бы взять в этой стране. Большинство настаивало, что, по свидетельству очевидцев, мостовые там выстланы золотом, городские стены из золота, дома из золота, на площадях горами лежат самоцветы – подходи и бери.

Кое-кто осмеливался возражать – отчего же сами жители страны выглядят такими нищими и истощенными, отчего не пользуются этими горами, не берут оттуда по потребностям, не жрут до отвала?

На что получали сокрушительный довод – им не надо! У них такая философия, чтобы не обжираться. Они довольствуются горсткой риса и одним яблоком в день, все они стараются отрешиться от жизни и достичь некоего возвышенного состояния, называемого мудростью, для чего ежеминутно наблюдают за своими пупками, надеясь увидеть там Божье око, обнажившее истину. С ними даже воевать не придется, только следует постараться не будить их, не отрывать от созерцания собственных пупков.

Спорили также по поводу наиболее выгодных сроков наступления, наилучших маршрутов движения, потребного количества войск. Все сходились на том, что потребность в войсках будет самая незначительная – трех-четыре легионов будет достаточно. Главное, собрать их в железный кулак и мощно ударить по индийским княжествам, а это Траян умеет как никто другой. Куда активнее обсуждался вопрос о количестве необходимых повозок и тягловых животных для вывоза добычи. Трофеев предполагалось взять горы. Каждый претор, самый мелкий секретаришка из вольноотпущенников, самый ничтожный канцелярский раб, облизываясь подсчитывавший добытые в Месопотамии трофеи, был уверен, что очень скоро вернется в Рим богачом и героем. При этом все служители и вольноотпущенники, приписанные к императорскому делопроизводству, шарахались от свитков, которые по поручению Адриана Лонг должен был передать в преторий. Услышав это имя, они буквально менялись в лицах и спешно отсылали Ларция от одного чиновника к другому.

В конце концов Ларцию надоело, и он спросил у Максима – может, лучше передать эти ведомости прямо в руки императору? Тот необыкновенно обрадовался и горячо поддерживал эту идею, а находившийся при разговоре проконсул Цельз подтвердил, что вопросами снабжения император занимается лично, так что это верное решение. Нашло поддержку и желание Ларция как можно скорее отправиться на юг.

– Вопрос в другом, – загадочно заметил по этому поводу Цельз. – Известно ли тебе, что в этих свитках?

Ларций пожал плечами.

– Сведения о заготовленных припасах и сроках их доставки в действующую армию. Так, по крайней мере, объяснил Адриан.

– Я верю тебе, дружище, – кивнул Цельз и поинтересовался: – Тебе по случаю не сообщали, на какую должность метит тебя Траян?

– Понятия не имею, – гость вновь пожал плечами и, чтобы развеять сомнения, продемонстрировал приказ, доставленный в Рим сингулярием. В тот момент он очень порадовался, что захватил этот кусок пергамента с собой.

– В любом случае, – вступил в разговор Марий Максим, – мы надеемся, что ты будешь верен старой дружбе и не позволишь неким недальновидным особам давить на императора. Судьба Рима может быть решена только сенатом и лицами, достойными этой высокой чести, но никак не закулисными интригами и всякими надуманными соображениями, касающимися родственных связей и прочей ерунды. Если благочестивый передаст перстень молоко-сосу, нам всем несдобровать.

Ларций опешил. Холодок побежал у него по спине, стало тоскливо. Он внезапно испытал острую благодарность к богам за то, что когда-то в далекой Дакии они надоумили его отбить у солдатни варварского парнишку, назвавшегося странным для римлян именем Лупа¹⁶. Предупрежденный защищен вдвойне – это была старая истина.

На устроенной в честь Лонга пирушке старые друзья повели себя более откровенно. Здесь уже не стеснялись. Квиет, чернокожий плотный коротышка, ткнул старого приятеля кулаком в бок и в шутку посетовал на воздержание, на которое Ларций обрек себя, явившись в Азию без известной всем особы.

– Кстати, как она? – поинтересовался мавританец. – Все так же горяча и охоча до мужских ласок?

Цельз уже вполне серьезно предложил Ларцию не спешить с прибытием в Харакс, а отдохнуть в Ктесифоне.

– Здесь, признаться, столько развлечений. Местные блудницы полагают свою работу священным служением, так что каждый мужчина в момент обладания ими ощущает себя немножечко Богом. Если хочешь, можешь выписать из Рима свою наложницу.

– Да-да, – подхватил Максим. – Мы поможем организовать быструю доставку священного тела.

Все засмеялись. Затем выложили все – и насчет интриг Адриана, обошедшего куда более достойных кандидатов, прежних консулов, опытных государственных мужей, пытавшихся получить наместничество в Сирии, и насчет его неразборчивости в любовных связях, его привязанности ко всему иноземному, его увлечения постыдными для патриция занятиями, например, стихоплетством, его змеиной изворотливости в попытках пробиться к власти.

Более других горячился Максим, самый молодой из «замшелых пней». Он скорее принадлежал к поколению молокососов, однако, прикинув так и этак, решил прибиться к стану противников Адриана.

– Он ни перед чем не остановится! – доказывал он. – По его навету божественный Траян отставил от дел и сослал в провинцию лучшего полководца Лаберия Максима. Кого нам ждать? Нового Калигулу? Нерона?! Рим сейчас в таком положении, что ему не выдержат безумств нового тирана. Тебе ли, Ларций, ждать милостей от этого ублюдка, посягнувшего на твою честь и сыгравшего с тобой такую злую шутку?

¹⁶ «Лупа» в переводе с латинского означает «волчица», а также «шлюха», «продажная женщина».

Ларций отмалчивался. В словах старых соратников было много верного, много пугающего, однако никто из них ни разу не обмолвился – кто именно из «замшелых пней» отважится бросить вызов стареющему императору?

Другими словами, сам замысел свержения Адриана от него ненавязчиво, но упорно скрывали, а при подобном отношении Ларцию было очень трудно дать прямое согласие на участие в заговоре, поэтому он отмалчивался. Максим между тем потребовал опорочить Адриана в глазах дяди.

– Материалы тебе подбросим. Упрекай его в стремлении узурпировать власть, взбунтовать подчиненные ему легионы. Но главное, не позволяй Плотине и Сабине Матидии добиться от Траяна официального назначения Адриана наследником. Тебе, должно быть, известно, что Адриан принудил Плотину к сожительству. Теперь она готова на все, чтобы угодить своему любимчику.

Проконсул Цельз – высокий, длиннорукий, стареющий детина, в армии его прозвали «гелеполом», или «штурмовой башней», – поморщился. Скривилось и темное – негритянское – лицо Квиета. Мавританец поправил претора:

– Оставь эти сплетни для плебса, Максим. Нам следует подумать, как реально нейтрализовать влияние близких к Траяну женщин, а подобными наветами можно только испортить все дело, потому что эти слухи не для императора. Они глупы и бессмысленны. Плотину трудно обвинить в распутстве. Она проста и добродетельна, как корова. Ее надо убедить в том, что если к власти придет достойный кандидат, ей будут оказаны все возможные почести, а после смерти она будет причислена к лику божественных.

– Ну, конечно, – скривился Максим, – она добра, как корова. Бесплодная яловая корова! Ларций Лонг строго глянул в его сторону.

– Эта тема – не повод для шуток, – предупредил он.

Квиет и Цельз поддержали его:

– Она божественна, – добавил Цельз, – в том спору нет, но что с нами будет, если ублюдонок сядет в Палатинском дворце? Вот о чем задумайся, Ларций. Время у нас еще есть. Мы с Пальмой вскоре отправляемся в Харакс. По-видимому, срок наступления на восток близок. До встречи.

* * *

Довод был серьезный, Ларцию было о чем поразмышлять на пути на юг. С одной стороны, ему нечего ждать милостей от Адриана, с другой – недоверие, проявленное бывшими соратниками, лишало его необходимого в таких делах энтузиазма. За всеми их доводами, порой даже очень убедительными, скрывалась некоторая смущающая недоговоренность, некая тайна. На вопрос, кого же рекомендовать Траяну, Цельз отделался объяснением, что этот вопрос еще до конца не решен, лучше всего настаивать на том, чтобы доверить решение этого вопроса сенату. Квиет подхватил – пусть божественный составит список и представит его отцам народа, они выберут из него достойнейшего.

Подобное предложение безмерно напугало Ларция!!

Он виду не показал, какой ужас испытал, услышав эти безответственные слова, однако с той минуты старался меньше говорить, больше слушать. Лонг успел повертеться в верхних эшелонах власти, успел понять и проникнуться простенькой, но неоспоримой на все времена истиной – подобный способ назначения наследника неизбежно приведет к гражданской войне.

В том не могло быть сомнений!

В вопросе о престолонаследии не должно быть никаких списков, дебатов, отвлеченных диспутов, сшибки мнений. Недопустимы были и всякие досужие рассуждения о коллективной мудрости, о возможности всегда исправить ошибку.

Траян обязан самостоятельно назначить наследника, публично облечь его властью. Только так можно было обеспечить ее преемственность. Только при таком порядке отцы-сенаторы и полководцы, и старшее армейское начальство вынуждены будут смириться. При любом другом варианте столкновение между вероятными претендентами неизбежно. Им только дай повод усомниться в законности принятого решения! Страх усилился оттого, что Ларций наконец-то прозрел – сразу по приезде в Азию его угораздило оказаться в компании с теми, кто как раз и являлся претендентами. По крайней мере, считал себя таковым.

Первым из них, конечно, следует назвать Адриана, ведь назначение наместником в провинцию Сирию являлось косвенным доказательством, что Траян сделал выбор. С другой стороны, император намеренно тянет с объявлением своего племянника цезарем.

Вопрос – почему? Ответа нет.

Кто еще?

Квиет. Нет, пожалуй. Чернокожий повелитель мира – это слишком даже для практичных и привычных ко всему римлян. К тому же он является царем Мавритании и по этой причине вряд ли способен сохранить беспристрастность по отношению ко всем другим провинциям.

Цельз? Безусловно!

Пальма? Непременно!..

Авл Корнелий Пальма, еще двадцать лет назад, являясь префектом Египта, пытался вступить в спор с самим Траяном, но вовремя одумался и прислал письма с выражением безмерного почтения и покорности. Десять лет назад он осуществил экспедицию в Аравию, во время которой захватил западную оконечность морского торгового пути.

А ведь есть еще мощный Нигрин, умеющий потрясать сенат своими громоподобными речами. В тени скрывается угодивший в опалу лучший полководец Траяна, Лаберий Максим. К этому списку многие добавляли обладавшего несомненными государственными достоинствами Нератия Приска. Траян как-то даже обмолвился, что хотел бы видеть своим наследником именно Нератия.

В любом случае подходящих кандидатов было пятеро или шестеро, за каждым из них стояла военная сила, у каждого были сторонники в сенате и, главное, денежные средства, без которых немислимо начинать битву за Рим.

Он прикинул возможности каждого из них. Опять же в самом выгодном положении оказывался Адриан. Наместничество в Сирии еще со времен Веспасиана являлось самой выгодной в этом смысле должностью. Отсюда легче всего совершить прыжок в Италию. Под началом у Адриана было шесть легионов и, судя по восстановлению Антиохии, молоко даром времени не терял. Он вымуштровал своих солдат так, что они вполне могли столкнуться с легионерами Пальмы, Цельза, конницей Квиета, но и каждый из «пней» обладал вполне достаточными ресурсами для борьбы за власть. Если они объединятся, Адриану несдобровать.

Но сумеют ли они объединиться? В это верилось с трудом. «Каждый из них, – с горечью рассудил Ларций, – при всем демонстрируемом расположении к “старым друзьям” и “боевым товарищам” волком смотрит на соперников, и все они более ратуют за свои интересы, за свое положение в государстве, чем за общее дело».

Ларций вздохнул – вот тут и почешешься! Конечно, своя туника ближе к телу, но в данном случае он был кровно заинтересован в устойчивости государства. Поди угадай, к какому претенденту прислониться? К Максиму, что ли? К этому петушку, сломя голову бросившемуся в рискованную игру?

В подобной неразберихе очень легко промахнуться! После смерти Траяна с ним, Ларцием Корнелием Лонгом, никто церемониться не будет. Самого на плаху, имущество конфискуют. Приятная перспектива.

Прав был Лупа! Ах, как прав был дакийский волчонок!.. Но как можно не выполнить приказ? Прикинуться больным? От одной этой мысли Ларция бросало в ярость и страх.

Он обратился к богам, к Юпитеру Капитолийскому, Юноне и Минерве, к Аполлону, но Юпитер в обнимку с Юноной и Минервой, по-видимому, не очень-то стремились установить свое первенство на древней, плывущей в знойном мареве земле Двуречья. Аполлон, по-видимому, тоже брезгливо поглядывал на рощи финиковых пальм, на обнаженных, загорелых до черноты, прикрывших повязками срам крестьян, трудившихся на ровно нарезанных отводящими воду канавами полях.

Римские легионы почти без боев протопали по древним библейским холмам. Пронесли орлов мимо развалин Вавилона, возле уже оплывших, потерявших стройность, но все еще поражающих мощью и высотой городских стен.

Ларций не удержался и тоже заглянул в знаменитый город – родину астрологов и колдунов. С легкостью, неожиданной для пятидесятилетнего мужчины, он взобрался на вершину Вавилонской башни, где исторические камни были испещрены надписями типа: «Луций и Луцилла были здесь!» «Рим превыше всех! Дави черножопых!» – и прочей ерундистикой³. Не поленился посетить руины висячих садов, с легкой руки Геродота названных по имени какой-то варварской царицы Семирамиды⁴. Полубовался изразцовыми изображениями львов и драконов, некогда украшавших Дорогу Процессий – главный проспект великого города, а теперь многочисленно и печально выглядывавших из пыли и обломков.

Среди каменных развалин самой большой редкостью были люди, да и то все пришлые – оборванные пастухи, нищие крестьяне из ближайших сел, ломавшие камни на собственные постройки. Еще преемник Александра Македонского, Селевк Никатор, переселил последних оставшихся вавилонян во вновь построенную им столицу Селевкию, что на Тигре.

Вспомнилась Селевкия.

Это был огромный город, в котором проживало более шестисот тысяч жителей, при этом префекту сразу бросилось в глаза, что город был практически свободен от римских войск. Гарнизон размещался на левом – восточном – берегу Тигра, в Ктесифоне. Лонгу как человеку военному показалось рискованным решение выдвинуть Двадцать второй Дейотаров легион за пределы Селевкии и Ктесифона на территорию противника. Военный лагерь был построен возле древнего караванного пути на открытом месте. Эта беспечность, ранее показавшаяся странной, теперь, по прошествии нескольких дней, обернулась вполне безумной самонадеянной небрежностью, которую не должны позволять себе опытные в военном деле люди. Впечатление было такое, что Марий Максим считал завоеванные провинции чем-то вроде кампанского поместья, в котором самым большим приключением считалась пропая хозяйского котла, а наиопаснейшим – поход в горы, к вершине уснувшего Везувия.

Конечно, размещение войск – это все-таки мелочь, если принять во внимание властвующую умами устремленность на Восток, но в любом случае Ларцию перед отъездом очень хотелось посоветовать Максиму усилить внутренние патрули в Селевкии и Ктесифоне и взять под более надежный контроль стратегические точки обоих городов, особенно мост через Тигр. Однако он промолчал, не дело – вновь прибывшему в средних чинах вояке указывать старшим командирам на бросающиеся в глаза промахи.

Из развалин префект выбрался после полудня и не спеша направился по дороге на юг. Сзади трусил приданный ему эскорт.

После часа пути его внимание привлек загорелый до черноты крестьянин, работавший в стороне от дороги. Ларций спешил и несколько минут наблюдал, как длинноногий, удивительно тощий варвар с помощью кожаного ведра и длинной жерди, черпал воду из канала

и сливал ее в деревянный короб, откуда мутная, изжелта-грязная вода разливалась по канавкам, орошавшим плантацию финиковых пальм. Крестьянин был весь в поту и работал, как заведенный. Женщина и двое маленьких, таких же длинноногих и тощих мальчишек то и дело ударами тяпок поправляли стенки арыков, помогая воде добраться до самых дальних углов участка.

За спиной у застывшего на обочине, сложившего руки за спиной Ларция шли и шли воинские колонны, со скрипом катились телеги на огромных колесах. Быки тащили осадные и метательные орудия. За эти томительные долгие минуты, пока Ларций наблюдал за варваром, тот ни раз не глянул в сторону дороги – все так же черпал и сливал воду. В его однообразных, туповатых движениях была какая-то завораживающая, нагоняющая сон монотонность.

У Ларция на мгновение сами собой смежились веки. Ему вдруг отчетливо померещилось, что этот день, в который он угодил и который вроде бы имеет свое точное, обозначенное в календаре место – третий день до октябрьских нон 869 года от основания Рима (5 октября 116 года) – на самом деле длится уже тысячу лет, и весь этот срок крестьянин не уходит с поля. Солнце, казалось, навечно уснуло в небе. По дороге, насыпанной еще, наверное, во времена легендарного Навуходоносора, нескончаемой, извечной чередой шли и шли захватчики.

Эти два мира казались несовместимыми. За эти несколько минут Ларций досыта насмотрелся на трудившегося в поте лица человека. Никто из проходивших легионеров, наемников из вспомогательных частей, никто из обозников, лагерных шлюх и торговцев не подошел к крестьянину, не попросил напиться, не расспросил его, не обидел его, да и о чем можно было расспросить человека, тысячу лет черпающего воду из реки?

Чем обидеть?

Ларций махнул рукой сопровождавшим его всадникам – спешивайтесь, мол, передохните. Потом по краю арыка направился в сторону варвара, спросил по-италийски, как долго ему придется орошать землю? Тот не ответил. Ларций спросил по-гречески. Вавилонянин, не отрывая рук от веревки, ответил коротко и пусто:

– До полуночи. Я заплатил только за один день.

– Каков урожай? На жизнь хватает?

– С трудом. Никто не знает, какие теперь будут налоги, какова плата за воду.

Ларций на свой страх и риск попытался успокоить крестьянина:

– Не более чем при парфянах. А может, и менее...

Варвар усмехнулся. Неожиданно он отбросил кожаное ведро в сторону, привязал коромысло, направился в тень ближайшей пальмы. Там присел, достал из спрятанного в траве узелка кусок лепешки и принялся сосредоточенно жевать.

Ларций последовал за ним. С трудом согнувшись – все-таки годы, – присел рядом.

Варвар невозмутимо преломил лепешку и протянул половину римскому патрицию.

Тот, поколебавшись, принял подарок, откусил, принялся жевать. Хлеб был хорошо выпечен, но имел горьковатый привкус, видно, в муку приходилось добавлять что-то мало съедобное. Ларций в свою очередь протянул крестьянину баклажку с водой. Варвар, ни слова не говоря, сделал несколько глотков, потом спросил:

– Зачем пришли? Хижину сожгли, дочку испоганили, потом убили. Была на выданье. Так надо? В Риме не хватает крестьянских дочек?

Что мог ответить Ларций?! Только плечами пожал.

– Что же не воевали? – спросил он. – Ктесифон сдали, Селевкию сдали, Харакс вон тоже сдадут.

– Подожди, – ответил крестьянин, – еще не вечер.

В этот момент Ларция окликнули. Он поднялся и, не попрощавшись, взобрался на насыпь. Крестьянин так же молча поднял ведро, швырнул его в главный канал, взялся за веревку. Начал работать.

После того разговора Ларций, двигаясь по берегу легендарной реки, как-то разом и напрочь забыл о собственных бедах, о том, что по собственной воле, тупо усердствуя в выполнении приказа, угодил в ловушку. Выветрились из памяти советы римских друзей – требуй то, требуй это! – их слегка приправленные завистью, уважительные взгляды.

Чему завидовать?

Забылась деловитая миролюбивая холодность Адриана, осторожные, змеиные пасы «боевых товарищей», сознательно втягивавших его в безжалостную игру. Чем далее на юг, тем все более его внимание привлекали местные жители. Той осенью жара в Месопотамии стояла невыносимая, однако все варвары, как один, были наряжены в свободные, полностью укутывавшие фигуру одежды. На головах покрывала, скрепленные обручами. Ходили они заторможенно, не замечая солдат, римских орлов, громадные стенобитные и метательные орудия, перевозимые к Хараксу. Не забыл отметить про себя – чрезвычайно страдавшие от жары и расстройств желудка солдаты потеряли всякую охоту приставать к местным, обирать и задирали местных.

Это было необычно!

Некоторые легионеры позволяли себе обнажаться в строю до набедренных повязок, все воины из вспомогательных частей, особенно набранные в жарких странах, вообще шли голяком. Все они – и белые, обгоревшие на солнце северяне, и темнокожие наемники-нубийцы, и мелковатые египетские лучники, – казались неуместными в этой древней и таинственной стране. Все выглядели толпой бездельников, непонятно как и зачем попавших на раскаленные просторы Месопотамии.

Всем было скучно, никто не хотел не то что говорить – касаться друг друга, и в этой необъяснимой, немислимой для римского патриция и военного человека скукотище вдруг забрезжила угроза еще более страшная, чем вопли, наскоки, пугающие гримасы, которыми во время сражения пугали римских легионеров бородатые даки и германцы или боевые свисты и горловое пение сарматских кочевников.

Казалось, никакого вторжения в Месопотамию вовсе не было. Нашествие походило, скорее, на природное бедствие, что-то вроде сезонного наводнения или пожара. Придет срок, схлынет вода, прогорят тростниковые стены хижин, нестерпимая жара разгонит явившихся без спросу солдат – и местная жизнь вновь вернется к прежнему вечному и унылому порядку.

Ларций оторопело прикидывал – о какой Индии могла идти речь, если за полтора года оккупации римляне так и не смогли прописаться среди этих низких, покатых, подрагивающих в солнечных лучах холмов, слиться с мутными водами Евфрата, привыкнуть к испепеляющему жару?!

О том он и спросил при встрече Траяна.

Тот ответил не сразу.

Сначала они посидели втроем с Помпеей Плотиной в его походном шатре. Матидия хворала и не смогла присутствовать. Постаревшая императрица сразу начала жаловаться на жару, на местную воду.

– Очень много солдат, – поделилась она, – страдают от поносов.

Затем, когда мужа вызвали из шатра, пожалела Ларция:

– Зачем ты, дурачок, явился?

Ларций только обреченно махнул рукой – что он мог ответить! Появившийся в этот момент император и, по-видимому, услышавший вопрос, подмигнул дружку – не обращай,

мол, внимания на женский треп. Затем сам принялся расспрашивать, как семья, как маленький Бебий Лонг? Поинтересовался:

– Все гладишь дакийскую кошку? Эта стерва небось все в доме вверх дном перевернула?

Императрица подтвердила:

– Эта перевернет, эта церемониться не станет. Смотри, Ларций, доведет она тебя до беды.

У Лонга отлегло от сердца. Утешало, что отнеслись к нему запросто, как к старому другу, встреча с которым доставила много радости хозяевам, и сами хозяева за это время не изменились. Императорская чета была по-прежнему проста в обращении, сердечна и заботлива. Не было у них никакого камня за пазухой.

Или был?

Возможна ли вообще императорская чета, которая не приготовила бы маленький сюрприз для верноподданного? Это хороший вопрос, но от этих хозяев Ларций зла не ждал, разве что боги постараются.

Во время разговора в зал вошел Ликорма, вольноотпущенник императора, заведовавший его личной канцелярией и всей сетью фрументариев, доставлявших в ставку сообщения обо всем, что творилось в империи. Марк жестом отослал его. Что-то с Ликормой было не так. Был он какой-то не такой. Лонг не сразу догадался в чем дело.

Вот что неприятно поразило, так это внешний вид Марка. Что ни говори, а местный климат отвратительно сказывался на самочувствии даже такого богатыря, каким был Траян. Он очень располнел, лицо побагровело. Теперь он более сидел, чем двигался, и эта пустяковая смена привычки откровенно встревожила префекта.

* * *

После встречи в императорском шатре, ближе к вечеру Траян и Лонг вдвоем отправились к океану, прозванному Индийским. Берег был полог, посыпан песком и мелкогато уходил в воду. Пальмы, тесной стайкой выбегавшие на берег, создавали густую тень. Над деревянным помостом был натянут полог, два чернокожих подростка-раба усиленно работали опахалами из страусиных перьев. Сквозняк создавал прохладу.

Пока скидывали сандалии, устраивались на ложах, пока обнажали плечи, надвинулся закат. В небе стремительно разыгралось грандиозное, расцвеченное яркими красками сражение. У самого горизонта держали оборону массивные кучевые облака. Солнце, добравшись до их редкого, мрачно-жемчужного строя, помедлило, затем бросилось в атаку. На миг окрасив череду облаков кровавым светом, оно прорвалось сквозь их ряды и бежало в океан. Победоносная ночь вмиг отемнила воды, сушу, небосвод, обдула берег прохладным, освежающим ветром.

Ларция кольнул острый лучик света – поиграл и угас. Последний отблеск дня, упавший на берег, отразился в крупном прозрачном камне, вставленном в простенькую, покрытую замысловатым орнаментом золотую оправу. Он сразу узнал его – это был перстень, который Нерва когда-то подарил Марку в подтверждение своего решения об его усыновлении. Алмаз был огранен в форме квадрата с округлыми сторонами, наверху восьмиугольная площадка. Оправа тогда оказалась мала, и для того, чтобы новый император смог надеть подарок на безымянный палец, ее пришлось раскатать. Теперь даже издали было видно, что перстень чересчур свободно держится на пальце, того и гляди упадет. В этом ощущалась какая-то неуместная, немыслимая по отношению к Траяну несуразность – он очень располнел, а пальцы необыкновенно истончились, обморщились. Совсем как у старика.

Это было горькое наблюдение.

Траян подал знак, и мальчишки, приставив опахала к ногам, поклонились и, разом спрыгнув с помоста, удалились. Отхлебнув вино из фиала, старый друг указал на маленькую звездочку на юго-востоке и мечтательно поделился:

– Вон моя звезда, – потом, словно оправдываясь, добавил: – Так утверждают астрологи. В той стороне Индия...

Ларций вновь подивился, на этот раз с примесью опасливой настороженности, – император, человек любознательный, увлекался чем угодно, только не склонностью любоваться небом. Ему никогда не приходило в голову отыскивать на нем какие-то тайные, неясные знаки, тем более прислушиваться к утверждениям астрологов. Для выяснения воли богов ему вполне хватало итогов гаданий по внутренностям жертвенных животных. Префект с тревогой взгляделся в тусклую, пугливо поблескивающую звездочку. Ее слабое, словно через силу, мерцание не предвещало ничего хорошего.

– Через месяц, – нарушил тишину император, – армия выступит. Как только направление ветров над океаном сменится на северо-восточное, в море выйдет флот. Возможно, корабли достигнут берегов Индии быстрее легионов. Мы там уже захватили часть суши, разбили лагерь на два легиона¹⁷ был обнаружен римский военный лагерь. Начало положено. Главный удар нанесем через Парфию. У меня надежные проводники, они обещают за месяц дотопать до Инда. Я не совершу ошибку Македонца, зашедшего далеко на север и растратившего попусту столько драгоценного времени. Южный путь, вдоль берега океана, безусловно, труднее, он проходит через безводную пустыню, однако меня будет поддерживать флот, в составе которого имеется большое количество транспортных судов, что позволит везти часть армии по воде.

Задача на этот год – добраться до Оксарта (Инда) и укрепиться там до наступления сезона дождей. Северные территории по Оксу (Амударье) и Яксарту (Сырдарье) будут завоєваны позже. Это важно, потому что именно через эти земли проходит главный торговый путь в Китай. Как только мы прочно сядем в центре Азии, дело будет сделано.

Несомненная уверенность в выполнимости грандиозной задачи, обыденность, с которой Траян употреблял легендарные, а то и неслыханные до сих пор в реальной военной географии названия рек, городов, народов, проживавших на этих территориях, убеждали в неотвратимости наступления сильнее, чем сотни самых неотразимых доводов. И все-таки Ларций, испытавший головокружительную оторопь от несколько ребяческого стремления императора овладеть чудесной страной, не мог отделаться от сомнений.

Излишняя страстность, с которой всегда рассудительный, вполне уравновешенный, а теперь увлеченный, с горящими, глазами Марк жонглировал понятиями, до сих пор оживавшими только в сказках, придавала разговору налет некоторого легкого безумия. Индия являлась любимой темой рассказов бывалых людей – «есть на востоке удивительная страна, она богата чудесами. Там обитает птица Феникс...». «На краю земли лежит обширная страна Индия. К северу от нее проживают люди с песьими головами. Они отличаются прожорливостью и превосходным нюхом».

Правда, уже через несколько минут, услышав о потребном для этого предприятия числе легионов, о количестве дневных переходов, припасов, осадных орудий, Ларций успокоился. Этот язык был куда более привычен, чем мечта захватить в плен птицу Феникс, раз в тысячу лет сжигающую себя на костре, или фантастическое намерение императора устроить в Риме гладиаторское сражение между песьеголовыми людьми и татуированными дикарями из Бри-

¹⁷ «...археологическими раскопками на Западном берегу Бенгальского залива возле нынешнего Пондишери» (южнее Мадраса. – Примеч. авт.). Античная цивилизация. М.: Наука, 1973. С. 152. (Далее в ссылках на эту книгу, изданную Институтом археологии АН СССР, будет указано название и номер страницы.)

тании. Этот бой, по мнению императора, должен был существенно улучшить нравственность римского плебса, повысить его кругозор.

Подсчитанные в претории цифры обладали куда большей убеждающей силой, чем бабушкины сказки, – они внушали уверенность и порождали энтузиазм. Когда же разгорячившийся император упомянул о поставках провианта и необходимых для этого количестве повозок и возниц, префект вспомнил о документах, которые ему передал Адриан. Конечно, бумаги были пустяковые, упоминать о них в самый волнительный момент обсуждения планов завоевания Индии было, по меньшей мере, неуместно. Император вполне мог счесть подобное прозаическое замечание насмешкой над его грандиозными планами или, что еще хуже, проявлением циничного равнодушия, однако воспитанная с годами обязательность принудила Ларция вставить:

– Прости, наилучший, я забыл передать списки, посланные наместником Сирии.

Император исподлобья глянул в его сторону, вздохнул:

– Ехидный ты человек, Ларций! Тебя даже Аид не исправит. Что-нибудь важное?

Ларций позволил себе пожать плечами.

– Не знаю. Сведения о поставках в действующую армию.

Марк усмехнулся.

– Не страшно. Завтра передашь, – после короткой паузы, еще раз хмыкнув, он добавил: – Узнаю Адриана. Он завалил меня всевозможными отчетами, памятными записками, докладами. Вот любитель писанины! Все старается притянуть выказать...

Ларций едва удержался от усмешки. Понятное дело – кому Индия, а кому уверенность в завтрашнем дне.

Траян, казалось, догадался о мыслях друга и тоже примолк. После паузы, с той же доверительностью император продолжил:

– Не обращай внимания на бабью болтовню, Ларций. Не такая уж ты важная птица, чтобы своим участием способствовать успеху той или иной партии. В интригах ты не силен, а в темную сам не дашь себя разыграть. Ума хватит. Так что эти слишком озабоченные вопросом о престолонаследнике вполне обойдутся без тебя. Это к слову, а понадобился ты мне вот по какой причине – мне нужен советник. Спокойный, уравновешенный человек, способный ляпнуть что-нибудь не ко времени или проявить строптивость. Способный остаться в стороне от всех этих дрызг, которые отнимают так много драгоценного времени. В тот момент, когда помыслы каждого воина должны быть направлены на выполнение великой задачи, они начинают делить наследство. Когда мы готовили поход на Дакию, такого не было. Я не могу понять, в чем дело! Один раз у меня горлом пошла кровь, и все сразу засуетились! Забегали, начали досаждать проектами, давать советы, как полезнее всего решить вопрос о преемнике. Через месяц наши легионы должны будут вступить во внутренние области Парфии. Парфяне – превосходные наездники, а кто у нас наиболее опытен в этом деле? Так что, Ларций, не тушуйся, держись смело, отвечай недоброжелателям и прихвостням – вызван, мол, для обеспечения действий конницы в условиях вражеской местности. От этого не отступай. Понятно?

– Не очень, – признался префект.

Император рассмеялся.

– Хвала богам, что они послали мне такого прямодушного друга! Другой бы, даже не вникнув, тут же согласился с правителем, но ты не таков.

Тебе нужна ясность. Хорошо, будет тебе ясность.

Я вполне сознаю, что вопрос о престолонаследнике может обостриться в любую минуту, особенно теперь, когда все близкие мне люди неожиданно стали придавать особое значение моему самочувствию. Короче, в ставке образовались две неравноценные по численности партии. К моему удивлению, все близкие мне люди оказались страшно заинтере-

сованы в решении этого вопроса. Все поспешили обозначить свои позиции, в результате я оказался лицом к лицу с двумя враждующими партиями, а как ты сам понимаешь, подобное положение плохо способствует успешному ведению войны. Ничего, начнется поход, я их всех прижму. Они у меня забегают, однако для проверки исполнения приказаний мне нужен верный и нейтральный человек. Я сознаю, что твое положение может внезапно оказаться незавидным, но ты старый вояка. Кто и когда сказал, что приказы следует исполнять в зависимости от обстановки, руководствуясь исключительно собственными интересами? Я был уверен, что ты не посмеешь ослушаться моего приказа, не станешь юлить и сказываться больным, или Аид знает, какую еще найдешь причину, чтобы только остаться в Риме, в стороне от этой грызни. Я рад, что не ошибся в тебе. Мне очень скоро может понадобится прямодушный и верный человек. Я должен быть уверен, что приказ, который я отдам, будет исполнен в точности и в срок, без оглядки на дружков, личные пристрастия, страх за собственную жизнь и прочие сопутствующие обстоятельства. Я пока силен, и в любом случае свою партию доведу до конца, но помочь мне в этом могут только такие, как ты. О том свидетельствует и поход Македонца.

Император сделал паузу, приложился к фиалу вина, потом вновь перевел взгляд на небо, на свою звезду. Не глядя на соседа, нарушил молчание:

– Расскажи, что в Риме? Ты проехал Италию, побывал в Антиохии, заглянул в мою ставку, осмотрел театр военных действий. Выкладывай!

Ларций ответил не сразу, в тот момент он задумался о праве императора распоряжаться не только жизнями, но и судьбами подданных. Эта мысль покорила его. Лет пятнадцать назад, еще в Дакии, Траян вот так же в доверительной беседе призвал префекта гвардейской конницы добровольно уйти в отставку. Марк тогда откровенно признался, что не в силах предоставить ему более важную должность, дабы не возбуждать в своем окружении нездоровые настроения, завистливые упреки и обиды.

Что Лонг мог возразить командиру и императору? Что государственная кувалда всегда разит без промаха? В Дакии ему хватило ума тихо отойти в сторону. Теперь та покорность повернулась к нему своим истинным, безжалостным лицом.

Лупа был прав, он допустил роковую ошибку.

Что ж, теперь поздно каяться, изменять себе.

И все-таки Ларций никак не мог стряхнуть с себя комочки обиды, они липли к нему, как рыба чешуя. Бац – и ты никто, отставной префект, пусть даже щедро награжденный и осененный лавровым венком. Бац – и ты вдруг понадобился, чтобы исполнить приказ, о котором можно сказать только одно – за исполнение смерть! Ведь контролировать его выполнение будет, по всей видимости, не тот, кто отдавал его. Ларцию мельком взгрустнулось – на свете нет лучшего способа нажать смертельных врагов, чем точно и до конца исполнить последний приказ императора. С другой стороны, радовала ответственность, выказанное доверие. Это тоже немаловажно, тоже добавляло энтузиазма.

Он принялся выкладывать все, что довелось приметить на пути. Начал с посещения бань Тита и появления сингулярия с приказом и закончил рассказом о полуголых, страдающих расстройством желудка легионерах, бредущих по дороге на юг и то и дело высказывающих за обочину, чтобы облегчиться.

Траян слушал внимательно, не перебивал. Только однажды, когда Ларций упомянул о жалобе на Адриана, якобы оклеветавшего Лаберия Максима, император возмутился:

– Цельз и Квиет обвиняют Адриана в том, что он оговорил Лаберия? Враки! И Помпея здесь ни при чем. Ликорма добыл его письма, в которых этот спесивый вояка мало того, что повторяет бредни насчет Адриана и моей жены, но и требует от сенаторов заставить меня передать им право выбора наследника. Он и является главой заговора, пусть пока и доброжелательного, верноподданнического, но все-таки заговора.

Он повернулся к Ларцию и, грозя указательным пальцем, отдельно произнес.

– Вопрос о наследнике решен. Им может быть только Адриан. Ему я передам этот перстень, – император показал гостю безымянный палец на правой руке. – Он доказал свое право на руководство Римом. Однако я не могу объявить об этом решении в преддверии похода на Индию, потому что все замшелые пни почувствуют себя оскорбленными, задетыми за живое. Их сразу перестанет волновать Индия. Они засуетятся и ради защиты своих шкурных интересов сцепятся в осиный рой. Они начнут жалить меня днем и ночью, начнут кляузничать, выпрашивать милости, требовать милости, угрожать отставками. А пока их мысли заняты исключительно тем, как бы не ошибиться, к кому пристать! Для этого волей-неволей следует служить истово, быть поближе ко мне, к моим мыслям.

Марк перевел дух, потом с откровенной горечью признался:

– Адриан тоже хорош! Он ухитрился восстановить против себя слишком многих, и я не уверен, что молокосос сумеет удержать власть в руках. К сожалению, его действительно нельзя срывать из Антиохии и перевести сюда, ко мне поближе, чтобы в нужный момент обставить его усыновление и назначение цезарем как подобает по римскому обычаю. Я не могу пожаловаться ни на снабжение армии, ни на подвоз оружия, ни на пополнение личным составом. Эх, если бы я мог вместе с августовым жезлом передать ему и свои мозги, мне не нужен был бы лучший наследник. Но он уперся и твердит одно и то же – всякая война кончается миром. На этом его вполне способны обыграть Лаберий и Нигрин. Они в силах объединить всех противников Публия, и против этой силы ему не устоять.

Вновь пауза. Затем взмах рукой, ее тяжелое, обреченное – императорское – падение.

– Рассуди, Ларций, чем грозит Риму прекращение восточной войны и перенос тяжести на внутренние дела государства? Разве я не понимаю важности обустройства границ, установления единых законов для всех частей империи, решения вопроса о недоимках? Беда в том, что Адриан отказывается признать очевидный факт – отказ от наступательной стратегии есть переход к обороне, а любая оборона есть начало конца. Рим жив и будет жив исключительно войной. Мы всегда сами выбирали очередную жертву. Упрекая моих полководцев в том, что война для них – кормушка и что без войны они потеряют свой вес и влияние, он не понимает, что без этих вояк Риму не выстоять. Они отлично знают свое дело. Только военное решение вопроса способно разрубить петлю, затянутую на шее Рима, и добиться положительного баланса в торговле с Востоком⁵. Мало обезопасить границу по Евфрату, мы должны сокрушить парфян и продвинуться до Индии. Это гигантское предполье – надежная гарантия, что враги не договорятся и не навалятся сообща на наши пограничные провинции. То же касается и земель за Дунаем. Стоит нам отойти на правый берег, как тут же из степей примчатся какие-нибудь новые сарматы и начнут грабить наши города. Ты согласен?

Ларций вздохнул и ответил откровенно:

– Подобные вопросы, непобедимый, за пределами моего разума. Сам я восточными пряностями не увлекаюсь, предпочитаю жареную рыбу с луком, кашу, фрукты и стараюсь верить тому, что вижу своими глазами. Добротность сукна определяю на ощупь, свежесть продуктов на запах. Другое тревожит. На пути в Харакс я побеседовал с местным варваром, он угостил меня лепешкой. Наши надругались над его дочерью, убили ее, а он, как ни в чем не бывало, на следующий день вышел в поле и взялся за кожаное ведро. Я спросил себя – что это, тупость? Варварская нечувствительность? Или это умение скрыть свои намерения, дожидаться удобного момента? Я склоняюсь ко второму. Мы здесь чужие, Марк. От этих местных вполне можно ждать удара ножом в спину.

– На этот счет можешь не беспокоиться. Ликорма принял все необходимые меры. По его сведениям, парфянский царь Хосрой готов поделиться со мной всем, что придется мне по нраву. Даже своей короной! С востока его допекает претендент на трон Маниазар...

В этот момент неподалеку кто-то осторожно кашлянул. Император прервался, глянул в ту сторону. В свет факелов выступил его вольноотпущенник Ликорма, личный секретарь и глава тайной службы императора. Даже в редком брызжущем свете факелов Ларций оторопело отметил, как постарел Ликорма. Как растолстел. Боги мои, да он напялил парик! И руки вполне по-азиатски сложены поверх живота. Пальцы унизаны перстнями с огромными, заметно выпирающими из своих гнезд самоцветами. Ларций не удержался и пересчитал их. Четыре перстня! По два на каждой руке!.. Многовато для бывшего раба, получившего вольную именно за бескорыстие и преданность господину? Не всякий сенатор мог позволить себе такие украшения. Ларций не удержался и глянул на правую руку императора, на свою правую руку, где носил перстень с печаткой, которой он при необходимости скреплял деловые бумаги. И камень хорош, рубин победно-красного цвета, его доставили с райского острова, расположенного между Индией и Китаем и называемого Цейлон. Но у Ликормы к еще более крупному рубину добавлялись изумруды и опалы. Даже ремешки на его сандалиях были украшены жемчугом!

– Что тебе? – недовольно спросил Траян.

– Господин, недобрые известия с востока.

– Выкладывай.

Ликорма бросил встревоженный взгляд в сторону гостя.

– Не узнал, что ли? – усмехнулся император.

– Узнал, господин, но...

– Говори.

– Хосрой разгромил Маниазара. Претендент погиб, его войско перешло на сторону Хосроя.

– Сколько Хосрою топать до Евфрата?

– Не менее двух месяцев.

– Отлично, мы встретим его на пути в Индию.

– Это еще не все, господин.

– Что еще?

– Месопотамия восстала, господин. А также провинция Ассирия и Армения.

Глава 5

Первым делом восставшие нарушили римскую факельную связьб, что являлось неоспоримым доказательством хорошо продуманного, тщательно подготовленного выступления.

До вечера третьего дня никто не мог толком объяснить императору, что происходит во вновь завоеванных провинциях. Даже вездесущий, всезнающий Ликорма отделялся общими фразами и предположительными обобщениями. Начальник тайной канцелярии держался веско, однако развеять тревожные настроения не мог. Это было так необычно для недавно прибывшего в ставку Ларция!

Редкие, сумевшие прорваться к Хараксу гонцы доставляли сумбурные, маловразумительные сообщения, более похожие на вопли о помощи. Конкретных сведений в них было мало, порой факты явно противоречили друг другу, а в некоторые из донесений просто невозможно было поверить! Например, в одном из них императора извещали, что главный торговый путь из Антиохии в Селевкию перекрыт взбунтовавшимися кочевыми арабами. В другом, пришедшем из Пальмиры, утверждалось, что в Низибисе и Эдессе местные жители перебили римские гарнизоны, а в Селевкии и Ктесифоне мятежники, воспользовавшись отбытием Квиета и Цельза и неопытностью легата Мария Максима, принудили того вывести немногочисленные римские когорты за пределы городских стен в военный лагерь на левом – вражеском! – берегу Тигра.

Траян, ядовито поинтересовался у Ликормы – что значит, «вывел войска из Селевкии»? Как расценить это решение? Как преступную трусость или разумный маневр? Почему нет известий от самого Максима? Где Лузий Квиет и Цельз? Они угодили в руки мятежников?

Наконец, проконсулы появились в ставке. Доставленные ими известия ошеломили даже видавших виды ветеранов. Квиет и Цельз в один голос утверждали, что все дороги к Хараксу заняты толпами полуголых крестьян и заставами из хорошо вооруженных местных греков – им едва удалось пробиться в ставку. Квиет подтвердил, что Марий Максим действительно вывел когорты из Селевкии и Ктесифона. Однако Цельз добавил, что это ему не помогло. Ночью восставшие атаковали военный лагерь и ворвались в расположение легиона.

– Что дальше? – не теряя спокойствия, спросил император.

– Воспользовавшись паникой, – прежним сухим голосом доложил Квиет, – мятежники вырезали весь личный состав. Максим тоже погиб. Что касается Низибиса, Эдессы, Арбелл, там римские гарнизоны действительно уничтожены. Евреи, составляющие значительную часть городского населения, объявили эти города свободными, а арабские кочевники, опирающиеся на крепость Гатру, что между Тигром и Евфратом, полностью перекрыли дорогу на запад в сторону Сирии.

В шатре наступила тяжеловесная, перебиваемая далеким ржанием лошадей и ревом ослов тишина. Никто не смел слова сказать. Наконец император обратился к длиннорукому мрачному Цельзу:

– Луцилий, если, как вы утверждаете, Дейотаров легион разгромлен, кому же теперь следует оказать честь первым войти во внутренние области Парфии?

Глаза у Цельза округлились. Прежде чем ответить, он прочистил горло.

– Может, непобедимый, сначала следует прояснить обстановку и восстановить коммуникации?

Траян не выдержал, вскочил с места, выкрикнул:

– Соображай, что советуешь!! – после чего решительно покинул шатер.

Все, кто находились на совещании, потихоньку, шажок за шажком, начали отодвигаться от Цельза. Тот постоял, его длинные корявые пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Он глянул направо, налево, затем, наблюдая нараставшее отчуждение, усмехнулся и решительно вышел из шатра.

Ясность наступила к вечеру, когда гонец привез письмо от наместника Сирии Публия Адриана. Император тут же приказал вновь собрать преторий.

В штабной шатер Траян вошел последним, угрюмо оглядел приближенных. Заметив отсутствие Цельза, приказал немедленно позвать его. Пока ждали проконсула, пока самые важные члены военного совета – полководцы, преторы, приближенные к императору трибуны, – рассаживались; пока остальные члены военного совета – командиры легионов, легионные трибуны, некоторые префекты вспомогательных частей, первые центурионы легионов, называемые примипилариями, – выстраивались по ранжиру, все помалкивали, кое-кто позволял себе многозначительно покашливать. Все явились в парадных доспехах, панцири были начищены до зеркального блеска, плюмажи из окрашенных страусиных перьев, торчавшие из наверший шлемов, расчесаны.

Командиры ждали, что скажет император.

Ларцию, также приглашенному на совет, не к месту взгрустнулось – в Дакии было иначе. Там, например, дурным тоном считалось помалкивать на претории. В ту пору каждый, кого озарила светлая идея, тут же бежал в императорский шатер. Стоило счастливчику выложить свою мысль, как тут же начиналось обсуждение. Любой имел право вставить дельное замечание или откровенно разгромить пустую, по его мнению, идею. Никто не пыжился в чеканке и отделке доспехов, а теперь нагрудные латы приглашенных сияли даже в свете свечей.

Как только долговязый, суровый Цельз вошел в шатер, император приказал зачитать послание из Антиохии.

«Адриан императору Траяну.

В Сирии, владыка, все спокойно. Пусть боги возрадуются, гроза обошла Антиохию и порт Пиерию стороной, так что море на всем протяжении береговой линии в наших руках. Сухопутный путь вплоть до Евфрата усиленно охраняется. Все шесть сирийских легионов готовы к выступлению, но в этом деле спешить не следует. Повелитель, ты всегда напоминал мне, что первым делом необходимо оценить обстановку и только после этого выбрать наилучшее решение. При этом ты всегда давал возможность каждому высказать свое мнение непредвзято и по существу. Я решил воспользоваться этой возможностью заочно. В первую очередь, полагаю необходимым точно описать, что произошло в Месопотамии, Адиабене и Армении».

Ларций – и не он один – отметил, что переименованную в «провинцию Ассирия» область Адиабену Адриан назвал прежним именем. Ассирия – это было звучно, вполне величественно и исторично, об Ассирии и жестоких царях, правивших там, рассказывали в школе, а кто в Риме слышал про Адиабену?!

Далее Адриан по датам расписал, как протекало восстание. Он подтверждал, что Двадцать второй легион вместе со своим командиром и трибунами уничтожен полностью, «... хвала богам, четыре других легиона, размещенные в Адиабене и Месопотамии, потрепаны, но боеспособности не потеряли. Их легаты, снеслись со мной и по собственной инициативе перешли к решительным действиям. Трудность в том, что до сих пор нет общего плана усмирения мятежников. Вот об этом, август, я и хотел поговорить».

Адриана тревожило, что до сих пор от императора, стоявшего с основными силами в Хараксе, нет известий.

«Возможно, – писал племянник, – Хосрой перерезал пути, ведущие от устья Тигра и Евфрата на север и запад. В такой обстановке считаю полезным, чтобы ты, всеблагой, под надежной охраной как можно скорее перебрался в Антиохию. Отсюда удобнее всего руководить подавлением восстания, распространившегося теперь (здесь чтец-вольноотпущен-

ник запнулся, несколько мгновений стоял, разинув рот, затем, заикаясь, закончил) на Египет, провинцию Киренаика¹⁸. На востоке граничила с Египтом и на западе с Проконсульской Африкой и на Кипр».

Это перечисление было встречено возмущенными возгласами. Трудно было поверить, что за какие-то несколько дней, по меньшей мере, треть восточных земель империи оказались охваченными восстанием. Лузий Квиет, сам родом из Африки, из Мавритании, первым выразил сомнение в достоверности этих сведений.

– Этого быть не может! Адриан лукавит. Египет всегда с благоговением почитал императорскую власть.

– Ты хочешь сказать, Адриан лжет?

– Нет... Возможно, он сгущает краски. У меня есть сведения, что волнения в Александрии подавлены, а толпа возмущенных евреев разогнана.

– Ты до сих пор ни слова об этом не сказал, – удивился Траян.

– Я не имею обыкновения представлять на совет непроверенные данные. Адриан специально нагоняет страх, чтобы принудить тебя, божественный, доверить ему подавления бунта. С этой целью он и заманивает тебя в Антиохию.

– За подавление бунтов триумфов не дают, лавровыми венками не награждают! Послушай, Лузий, давай забудем о прежних раздорах и займемся делом. Ты полагаешь, мне следует оставаться в Хараксе, где мы отрезаны от происходящего? Твое мнение, Цельз?

– Я полагаю, великодушный, что лучше двинуться с армией на север...

– И бросить флот? Ведь корабли не смогут подняться вверх по течению. Что, если Хосрой сожжет наши корабли? С чем тогда мы отправимся на восток? – он помедлил и дал знак читать дальше.

«Сирия является ключом к победе, – настаивал Адриан. – Отсюда легче всего управлять войсками и удержать под контролем завоеванные земли на Тигре». Наместник уверял императора, что примет все меры, чтобы в провинции сохранялось спокойствие, однако, предупреждал он, это только первый шаг к восстановлению власти Рима.

«Что касается мятежников, – сообщал Адриан, – теперь вполне ясно, что душой восстания являются евреи, проживающие не только в Месопотамии, но и в Кирене, на Кипре, в Александрии и в самой Иудее. Обезумевшее племя уверилось, что наступил «день гнева» и Едом (так они называют Рим) будет разрушен. Их потерявшие остатки разума учителя убедили своих приверженцев, что пророчество некоего божественного разума, которого они именуют Яхве, близко к осуществлению, и бог якобы не попустит «несправедливости и отдаст врагов их в руки их». На землю вскоре спустится некий «мессия», который установит здесь свой порядок.

Я не берусь комментировать этот бред. Могу только сообщить, что Иерушалаим пока в наших руках, однако, по сведениям соглядатаев, мятежники имеют намерение захватить эту крепость. Что касается христиан, то эта секта, довольно многочисленная в Антиохии, ведет себя смирно. Я убедил их главного жреца, некоего Игнатия, внять голосу благоразумия и не пытаться противодействовать властям. Для большей убедительности я посмел на свой страх и риск ввести дополнение к установленному тобой, наилучший, правилу 99-го года⁷, требующему от граждан сообщать о всех членах тайных сообществ, запрещенных тобой, величайший. Я позволил себе внести следующее дополнение в этот закон: всякий доносчик обязан доказать свое заявление на принадлежность виновного к христианской секте. В противном случае заявителя ждет то же самое наказание, которому должен быть подвергнут виновный.

¹⁸ Одна из шести провинций, расположенных в Северной Африке (на севере нынешней Ливии).

К сожалению, христиане в провинции далеко не едины и разделяют различные, порой самые вздорные, мнения. Эти мнения распространяют некие «апостолы». Этих «апостолов», «святых», «пророков», «предтеч», «пресвитеров» в Сирии хоть пруд пруди! Самым безумным среди них следует считать некоего Елксея. Сам Елксей, как говорят, недавно сдох, однако бредни его живы до сих пор. Это суеверие основано на признании, что распятый, как тебе известно, Пилатом более ста лет назад некий бродяга по имени Иисус на самом деле якобы является светлым демоном гигантских размеров, и этот самый Иисус с помощью таинственного существа женского рода, называемого «святым духом», способен переселяться из одного тела в другое. Последователи Елксея утверждают, будто Иисус переселился в тело Елксея, а заодно вручил тому некую «священную книгу». Наследником же Елксея стал некий Епифаний. В него, по утверждению его поклонников, тоже вселился Иисус. Демон ростом под небеса также открыл ему великую тайну и в придачу к книге одарил смутьяна какой-то «золотой рукой», способной совершать чудеса и наделять ее обладателя великой исцеляющей силой. Эти безумцы настаивают, что этот талисман похитили римляне, и мы обязаны вернуть им «золотую руку, иначе нас испепелит «божественный гнев». По некоторым сведениям, сторонники Епифания собираются устроить на меня покушение.

От себя же хочу добавить, что понять их символ веры спокойным и беспристрастным разумом невозможно, однако к обозначенной ими угрозе по отношению к «римлянам» я отношусь вполне серьезно и пристально наблюдаю за ними.

Что думает по этому поводу благоразумный Ликорма? Пусть он прояснит – что известно об этой секте? Насколько опасны «елказайты» и какие меры следует принять, чтобы пресечь их деятельность в корне?

Другой вопрос, можно ли сдержать этот ошалевший сброд исключительно силовыми мерами? Полагаю, что этого недостаточно, так как подобными суевериями очень ловко пользуются агенты Хосроя, чему я имею точное подтверждение».

В письме утверждалось – череда бунтов и, казалось бы, случайных вспышек насилия, прокатившихся по восточным провинциям империи, являлась продуманными и хорошо организованными выступлениями, которыми, как утверждал Адриан, руководили агенты парфянского царя. Участие в восстании еврейских общин придала этим мятежам необходимую для такого дела бессмысленную и тупую ярость. Иудеи всегда отличались буйным и вызывающим нравом.

На этом месте голос у вольноотпущенника дрогнул, он замолчал.

Гнетущая тишина установилась в шатре.

Теперь становились ясными очертания стратегического плана, которого изначально придерживался парфянский царь.

Многим из собравшихся на претории, и в первую очередь самому императору, тайно пришлось признать, что этот замысел идет вразрез с тем планом, которого при столкновении с Александром Македонцем придерживался предшественник Хосроя, Дарий. Персидский царь по причине самоуверенности решил остановить продвижение Александра, столкнувшись с ним лоб в лоб. Имея огромный перевес в живой силе, Дарий рассчитывал разгромить дерзкого юнца в одном или нескольких генеральных сражениях, после чего утвердить свою власть над континентальной Грецией.

Битым оказался не Македонец, а персидский царь. Парфяне отлично выучили урок и на этот раз применили иную тактику: сначала поспешное, напоминающее бегство отступление, заманивание врага на незнакомую ему местность, затем партизанская война в тылу и только потом, при благоприятных условиях, генеральное сражение.

Траяну было за что упрекнуть себя. Он почему-то решил, что Хосрой повторит ошибку Дария, а ведь изменение тактики парфян просматривалось уже во время войны с Крассом⁸.

Ошибки ошибками, у кого их не бывает, однако итоги подводить рано. Сила, сосредоточенная в руках императора, способна сломить сопротивление любого противника. Ресурсы Рима неисчерпаемы. Огорчала только необходимость отложить на неопределенное время поход в Индию.

В последнюю очередь Адриан перечислил меры, которые следует принять для скорейшего подавления восстания. По своему обыкновению воспитанник не забыл пронумеровать их.

«Прежде всего, – писал наместник, – 1) необходимо перегруппировать силы и на время оттянуть легионы ближе к Евфрату; 2) акцент в подавлении восстания сделать на политические, а не на карательные меры; 3) желательно отменить дополнительный налог на еврейские общины, наложенный в новых провинциях¹⁹; 4) необходимо дать иудеям надежду на восстановление разрушенного божественным Титом Иерусалаимского Храма».

«Эти безумцы, – добавлял Адриан, – до сих пор тешат себя надеждой на приход некоего пророка, которого они называют “мессией” и который освободит их от римских волков, ибо их мудрецы пишут, что “плоды полей их на глазах у них съедают чужие”. Пусть великодушный разрешит им поклоняться своему Богу по своим законам, по крайней мере, в том объеме, который допускал парфянский царь».

В самом конце Адриан упомянул о необходимости немедленно начать переговоры с Хосроем.

«Лучше договориться и обеспечить свой тыл, чем постоянно ждать удара в спину. Нам жизненно важно выяснить, на каких условиях можно прийти к согласию. При любом исходе переговоры дадут выигрыш во времени и позволят точнее оценить обстановку и вычислить тех в стане врага, кто недоволен Хосроем».

Чтец замолчал, опустил пергамент и глянул в сторону императора.

– Все? – спросил Траян.

– Да, наилучший.

В следующее мгновение заговорили все разом. Шагнувший вперед Лузий Квиет выразил особое возмущение предложением наместника Сирии начать переговоры с Хосроем.

Император хмуро глянул на него.

– Ты полагаешь, что в нынешних условиях это будет расценено как признание нашего поражения?

– Ты, непобедимый, как всегда, зришь в корень. Даже оговорка наместника насчет выигрыша времени и более солидной подготовки к походу не спасает положение. Если мы быстро и беспощадно не справимся с мятежниками, о каком продвижении в сторону Индии может идти речь?

Длиннорукий мрачный Цельз обратил внимание императора на попытки наместника свести действия против непокорных к «увещеванию» врага.

– Как лицо государственное, – заявил бывший консул, – я обязан предостеречь тебя, владыка, насчет предложений, сделанных наместником Сирии, об изменении отношения к иудейским общинам и их культу. Немыслимо предоставить подобную привилегию одному, к тому же низшему, грязному и безумному племени. Коренное население империи, особенно римляне и греки, воспримут это решение с недоумением. Римская власть никак не может допустить отправление еще одного религиозного культа, помимо признанных государством.

Его поддержала большая часть собравшихся. Цельз далее заявил, что никто не запрещает евреям поклоняться своему Богу, но при этом они обязаны выполнять общие для всех подданных Рима эдикты, обязывающие их участвовать в торжественных обрядах, посвященных божественным Юлию и Августу.

¹⁹ Так называемый *Fiscus Judaicus*.

– ...если подобное условие, – он повысил голос, – является хорошей острасткой для расплодившихся как тараканы христиан, почему евреи должны получить послабление в этом вопросе?

Далее заговорили все, наперебой, взхлеб и страстно. Многих покоробил скрытый призыв отложить поход в Индию.

Кто-то в запале выкрикнул:

– Адриан предлагает не отложить, а просто-напросто забыть о нем!

Но более всего участников совета возмутила попытка наместника Сирии противопоставить свой взгляд на цели и задачи восточного похода общепринятому, взвешенному, так трудно выработанному мнению о необходимости создать на востоке непробиваемое для окружавших Рим врагов предполье. Расправа с восставшими – дело нескольких недель, может, месяцев, заверяли они императора, после чего их ждет великое предприятие.

Защитников у Адриана было немного и, прежде всего Марк Турбон, командир сингуляриев, а также претор Катилий Юлий Севёр, однако их голоса потонули в хоре противников Адриана. Наконец, Траян опросил каждого члена совета по старшинству. Начинали с самых низших – с центурионов, затем опросили префектов вспомогательных войск, наконец трибунов, легатов, преторов и проконсулов. Удивительно, но отставной префект Ларций Лонг был упомянут повелителем в почетном последнем десятке. После него давали ответ только бывшие консулы и два претора. Эта благосклонность была отмечена всеми присутствующими. Квиет и Цельз переглянулись, а в задних рядах начали вслух обсуждать неожиданную честь, которую принцепс оказал старому приятелю. Траян приструнил собравшихся, дал Лонгу высказаться. Тот выразился кратко – императору полезно отправиться в Антиохию и на месте решить, что делать дальше. На ехидный вопрос Квиета, как префект относится к «увещательным» мерам, Ларций ответил, что это не его ума дело, однако глупо отказываться от любой возможности быстро утихомирить варваров.

Подавляющее большинство присутствующих «увещевания» отвергли напрочь. По общему мнению, лучшим решением является кровавая баня, которую римляне должны устроить обезумевшим варварам и, в первую очередь, евреям, племени злонравному, непокорному, который год бунтующему против власти Рима. Этот урок они должны запомнить на всю жизнь и передать потомкам. Что касается поездки в Антиохию, здесь совет поддержал Адриана.

Тут же были произведены назначения и распределение войск. Лузию Квиету поручалось восстановить порядок в Месопотамии. Стрел не жалеть! Восставшие города сравнивать с землей, пойманных бунтовщиков вешать вдоль дорог. Лучше, конечно, было бы подвергнуть их распятию, однако с деревом в Месопотамии было скудно. Бревна полезнее использовать для штурма восставших крепостей. Цельзу было предписано остаться в Хараксе и охранять флот. Командиру сингуляриев Квинту Марцию Турбону было поручено подавить восстание в Киренаике, Лонгу на время отсутствия префекта конной гвардии возглавить охрану императора и обеспечить ему и его семье безопасный проезд до Антиохии.

Глава 6

Усмиряли жестоко, без жалости и сострадания. Зверства с обеих сторон были ужасны.

Квиет сходу взял Селевкию и сжег более чем полумиллионный город дотла. Та же участь постигла многотысячные, богатые Эдессу и Низибис. Еврейские общины в этих городах были истреблены полностью.

В свою очередь, неистовство восставших евреев поразило даже привычных к жестокостям и грубостям войны римских легионеров. Этот несчастный народ, казалось, вконец потерял голову. Их свирепость не шла ни в какое сравнение с беспощадностью к их соотечественникам, которую проявили римляне во время усмирения бунтов и мятежей в Иудее.

В сообщениях, поступающих от Марка Турбона, сообщалось, что некто Лукас, провозгласивший себя «царем иудейским», объявил во всеуслышанье, что дни римского владычества сочтены. Еврейская община Кирен, столицы провинции, в которой собрались наиболее фанатичные последователи этого суеверия, окончательно лишилась разума и впала в жесточайшую кровожадность. Поддавшись неизвестному пророчеству, они решили, что наступил день гнева, и кара господина, восседающего на небесах, обрушилась на Едом, на всех язычников на свете. В гнусном порыве они приступили к уничтожению всех, кто поклонялся ненавистным им кумирам.

«Евреи, – писал Турбон, – принялись за дело, словно охваченные бешенством свиньи. То, с чем мы столкнулись, это не восстание, это поголовно уничтожение всех неевреев. Услышав о гибели общин в Селевкии, Эдессе, Низибисе, эти бешеные начали резать греков и римлян, съедая мясо тех, кого они зарезали, делая себе пояса из их кишок. Они натирались их кровью, сдирали со своих жертв кожу и покрывались ею. Есть свидетели, которые обвиняют фанатиков в том, что те распиливали несчастных сверху донизу посередине тела»²⁰.

Турбон сообщал, что торжествующие мятежники устроили в Кирене что-то вроде «священных» игр, на которых заставляли добропорядочных подданных из греков и римлян сражаться друг с другом как гладиаторы, восклицали при этом: «Пусть несчастные вспомнят, как они тешились подобными боями у себя в Риме». В воспоминание того, как поступали с ними: взбунтовавшие евреи бросали мирных жителей на съедение диким зверям. Квесторы Турбона насчитали более двухсот двадцати тысяч трупов. Это почти все население провинции, которая превратилась в пустыню.

«Теперь, – сообщал Турбон, – толпы безумцев движутся в сторону Александрии на помощь своим единоверцам в Египте...»

В донесениях с Кипра описывались ужасы, вполне сравнимые с теми, что происходили в Кирене. Местные иудеи под предводительством некоего Артемиона разрушили столицу острова, город Саламин, и вырезали все его население. Зарезанных жителей насчитали двести сорок тысяч. Озлобление по поводу этих жестокостей было таково, что киприоты решили изгнать евреев со своего острова навечно; даже еврей, выброшенный на берег во время шторма, предавался смерти.

В Египте мятеж очень скоро превратился во вполне регулярную войну между приверженцами иудейского культа и всеми остальными жителями провинции. Сначала восставшие имели успех. Префект Египта Корнелий Луп вынужден был отступить. В Александрии началась паника. Мятежники принялись лихорадочно возводить крепостные сооружения вокруг своих кварталов, для чего они разрушили замечательный храм Немезиды, построенный божественным Цезарем. Правда, греческое население города, в отличие от Кирен,

²⁰ Эрнест Ренан. Евангелие и второе поколение христиан. Глава 23. Конец Траяна и восстание евреев.

сумело защитить себя и организовать оборону. Все греки и римляне нижнего Египта укрылись вместе с Лупом в самом городе, из которого устроили укрепленный лагерь.

В начале весны к Александрии приблизилась орда обезумевших евреев из Киренаики. Целью Лукаса было объединение со своими единоверцами в Египте, оттуда они намеревались двинуться в Иудею. Хвала богам, Марку Турбону и его когортам удалось в боевых порядках встретить бунтовщиков, а затем разгромить их. Избиение было поголовным. Легионеры никого не щадили. В резне участвовали все, даже обозники, рабы и лагерные шлюхи. Киренаикские бандиты рассеялись по всему Египту, вплоть до священной Фиваиды (в среднем течении Нила), и везде их безжалостно и зверски убивали. Никто из безумцев даже не пытался просить пощады. Они сами бросались на мечи, в пламя костров, воспевая своего бога, якобы не бросившего их в несчастии и доказавшего, что его царство близко.

В те же дни Лупу удалось окончательно подавить очаги сопротивления и в самой Александрии. Прорвавшиеся в сторону Иудеи евреи укрылись в пустынях Синай, где, невзирая ни на какие трудности, стремились добраться до стоянок мятежных арабов, называя их «братьями».

* * *

Всю зиму караван с императором и его семьей, с ближайшими к нему людьми, под охраной сингуляриев неторопливо двигался в сторону Антиохии. Несмотря на то, что Траян чувствовал себя все хуже и хуже, маршрут, по совету Адриана, выбрали по северной дуге полумесяца – вверх по течению Евфрата до Дура-Эвропоса, затем на запад к Пальмире, возле которой размещался Шестнадцатый Флавиев легион, сумевший отстоять этот важный стратегический пункт. Следовать южным, значительно более коротким, путем, в направлении Мертвого моря и столицы провинции Аравия Петры не позволяли взбунтовавшие арабские племена.

Путь пролегал по берегу Евфрата, где совсем недавно прошли войска Лузия Квиета. Через две недели, в канун декабрьских календ (30 ноября), караван добрался до развалин Вавилона. Где-то здесь Ларций разговаривал с крестьянином, который предупредил римского патриция, мол, «еще не вечер». Хотелось найти крестьянина, поговорить, обсудить создавшееся положение. Это было безнадежное занятие, так как отыскать живую душу в тех местах, где побывали чернокожие мавританцы и прочие дикари из Сарматии и Фракии, а также солдаты из регулярных легионов, было невозможно. Деревни были сожжены, города обезлюдели. По дорогам валялись трупы, части трупов, на перекрестках горками возвышались отрезанные головы. Дороги, по которым прошли варвары, можно было отследить по распятым вниз головой жертвам. Легионеры – цвет римской армии! – все-таки старались соблюдать приличия и подвешивали жертвы на столбах вниз ногами. Правда, эти тоже не брезговали обматывать ноги несчастных паклей, пропитанной смолой, а затем поджигать паклю. Многих по скифскому обычаю скальпировали. Хватало также несчастных, чьи головы были притянуты к ступням веревками или ремнями. В таком виде их оставляли на солнцепеке умирать.

Между тем солнышко с каждым днем набирало силу. Дороги окутывал нестерпимый смрад. Императрице вскоре наскучило любоваться однообразными невеселыми пейзажами, и она настойчиво потребовала от супруга, чтобы тот приказал Квиету умерить пыл, иначе будет просто незачем воевать за эти земли. Императрица также настояла, чтобы Квиет запретил перепиливание жертв пеньковыми веревками, до чего были охочи варвары, набранные в Испании.

Лузий исполнил приказ. Теперь по дорогам шли пленные, обращенные в рабство. На подобные транспорты постоянно нападали кочевники-арабы, отбивали пленных.

Вообще, кочевники очень досаждали римлянам. В ставке скоро возобладало убеждение, что именно от них исходила наибольшая опасность для оккупационной армии. Летучие отряды бедуинов днем и ночью висели на караванных путях. В многочисленных донесениях постоянно сообщалось о нападении кочевников на мелкие римские отряды. Впрочем, Лонгу и другим командирам, сопровождавшим хвораго императора, не нужны были письменные свидетельства, чтобы лично убедиться в день ото дня сгущавшейся опасности. На горизонте, по вершинам пологих холмов, среди обветренных бесплодных скал, среди спаленных построек и за оплывшими городскими стенами древних городов то и дело появлялись отряды всадников в свободных, полностью закрывавших их одеждах. Их численность постоянно увеличивалось, они висели над обозом, как мухи над выгребной ямой.

Не в пример братьям-евреям, арабы, храбрые и умелые наездники, нападали внезапно, всегда после долгих и утомляющих охрану наскоков. Само нападение производили либо с приближением темноты, либо перед самым рассветом, но всегда внезапно. В течение дня обстреливали караван стрелами, досаждали наскоками и тут же исчезали. Всякие попытки догнать нападавших оказывались бесполезными. В бою, лицом к лицу с противником, бедуины были слабоваты и более рассчитывали на прыть своих скакунов, чем на силу собственных рук. Дрались копьями, холодное оружие применяли неохотно и только оказавшись в безвыходном положении. Их кривые кинжалы для хорошо подготовленного конного бойца опасности не представляли. После каждого такого налета в караване недосчитывались нескольких человек.

Ларция Лонга восхищали их кони, позволявшие арабам не только безнаказанно уходить от погони, но и устраивать скачки под самым носом у его гвардейцев. Ловкость, с какой наездники обращались со своими скакунами, поражала не менее чем сами скакуны, рослые, тонконогие и, как оказалось, куда более быстрые и выносливые, чем кони его сингуляриев. Впечатляло презрение кочевников к смерти – рискуя оказаться в плену, араб первым делом убивал своего коня и только потом перерезал себе горло.

Императора, с трудом преодолевавшего хворь, угнетала такая тактика, связывавшая его по рукам и ногам и лишавшая армию возможности маневра. Мало того, что всякое перемещение легионов и вспомогательных частей тут же становилось известно врагу, но и перевозка припасов день ото дня превращалась во все более обременительную проблему. Приходилось выделять большие силы для охраны обозов.

В кругу императора теперь постоянно обсуждался вопрос, как пресечь активность кочевников. Их логово, в котором они укрывались после разбойных нападений, было известно. Это крепость Гатра, расположенная в пустынном месте, на высокой скале. Гатра являлась единственным местом, где в тех краях можно было достать воду. Как рассказывали пленные, вождь племени, владевший этой крепостью, приказал пробить колодец в скале, который и привел варваров к водоносному слою. В этом не было ничего удивительного – азиаты всегда славились своим коварством и хитростью. Например, в том же Иерусалаиме, а также в крепости Лахиш, тоже были пробиты колодцы, а затем от них подземные галереи, выводившие к местным, полноводным даже в жаркое время года, речкам. Так что на недостаток воды осажденные в Иерусалаиме, а следовательно, и в Гатре пожаловаться не могли. К тому же, по убеждению Лонга и других кавалерийских командиров, кочевников в первую очередь следовало разгромить в полевом сражении. Необходимо было подорвать их силы и боевой дух и только после этого можно было приступить к осаде Гатры. Конечно, подобный план требовал времени, однако Траян вполне отдавал себе отчет, что спешка в таком деле могла поставить под удар судьбу всей войны.

С того момента как было принято стратегическое решение, Лонг наконец избавился от смрадных, гнавших сон размышлений о будущем. Дело требовало свежей головы, невоз-

мутимости и римского умения заранее, до того как выводить полки в поле, разгромить противника.

Военный совет собрали в Пальмире, куда в начале марта прискакал Адриан. Сюда же были вызваны Квиет, Цельз и некоторые легаты, которых следовало привлечь к фронтовой операции.

Сразу после полудня император открыл совещание, кратко обрисовал ситуацию и заявил, что будет «разумней и полезней всего, если в начале мы поговорим о мерах, которые необходимо предпринять перед началом летней кампании». Первым заговорил Ликорма – ему было поручено подготовить соображения по этому вопросу. Раздобревший, поднабравший осанистости вольноотпущенник предложил начать с попытки подкупа племенных вождей и внесения раскола в их ряды. Золота не жалеть, расходы окупятся стократно.

В Индии!

Наместник Сирии сразу и, как всегда, достаточно резко возразил ему. Адриан заявил, что, имея дело с арабами, не следует рассчитывать на золото. Шейхи, конечно, примут подношения, дадут клятвы верности и на следующий же день нарушат их. Кочевники, в большинстве своем, мало ценят металл – как возить золото по пустыне?! Их знать предпочитает изделия из металла, а также скот, коней, верблюдов, красивых женщин, предметы роскоши. Каждый бедуин, пояснил наместник, полагает, что чем больше на нем золотых украшений, тем он знатнее, вот почему они буквально увешаны побрякушками.

Куда полезней сыграть на раздорах между племенами, ведь кочевники воюют не только с пришлыми римлянами, но и между собой. Эта вражда извечна. Более сильное племя презирует и как может унижает своих бедных и слабых соседей – их оттесняют от источников воды, угоняют табуны, крадут женщин. На этих обиженных и следует делать ставку. Им надо пообещать защиту, уместно передать им часть добычи, полученной в результате усмирения восставших областей. У него уже есть на примете несколько шейхов, готовых к сотрудничеству.

Ликорма, наповал сраженный тем, что кто-то посмел перебить его, и наконец обретший дар речи, запальчиво возразил, что, если принять предложение наместника, переговоры могут затянуться. Шейхи начнут тянуть время, прикидывать, чью сторону им будет выгоднее принять. Варварам спешить некуда, а вот для доблестных римских легионов затяжка может оказаться роковой. Солдаты как никогда полны энтузиазма. Они рвутся на восток, и императору уже сейчас едва хватает сил, чтобы сдержать их пыл.

Адриан, в своей манере, позволил себе подшутить над Ликормой, над легионерами, над их пылом:

– Не так уж страстно они стремятся в Индию, – заявил он, – чтобы ринуться в бой, имея за спиной мятежные провинции. Солдаты вполне могут совладать с пожирающим их изнутри воодушевлением и подождать, пока в Месопотамии, Армении, Ассирии не воцарится спокойствие.

Подобная обезоруживающая насмешка над боевым духом армии вызвала глухое недовольство присутствующих на совете. Император попытался усмирить племянника, приказал ему «попридержаться язык». Адриан картинно поклонился в ответ и добавил:

– Повинуюсь, великодушный!

Удивительно, но присутствовавшие на претории Лузий Квиет и Цельз и бровью не повели. Проконсулы даже не попытались поддержать Ликорму и осадить «молокососа». Их молчание сделало свое дело – далее обсуждение пошло в более конструктивном духе. Приглашенные на совет легаты – те, кто успел за эти два года присмотреться к местным нравам, – как один поддержали наместника Сирии. Ларций Лонг, занявший место возле изящного инкрустированного слоновой костью и жемчугом столика, тоже решил подать голос.

Он поднял руку.

В зале дворца, расположенного неподалеку от знаменитого храма Баала в Пальмире, сразу за западным тетрапилоном²¹, наступила тишина. Всем было интересно, что скажет любимчик императора, непонятно для чего вызванный из Рима. История с приездом отставного калеки-префекта до сих пор будоражила начальствующий состав армии. Кое-кто все-речь настаивал, что Траян вызвал старого друга, чтобы передать ему власть над Римом. Таких фантазеров осаживали, однако сомнение оставалось – кто его знает, что может померещиться старому льву в последнюю минуту? В армии мало кто сомневался, что императору, если он хочет остаться целехоньким, не следует соваться в недра Персии, в аидову жару, безводье и ледяной холод по ночам. Многие полагали, что отцу отечества лучше вернуться в Рим, отдохнуть на вилле в Кампании. Споры возникали по поводу того, кому доверить руководство походом.

Траян кивнул.

– Говори.

– Мне кажется, что предложение наместника Сирии имеет смысл только в том случае, если мы извлечем из него немедленную и существенную пользу. Об этом, собственно, и говорил уважаемый Ликорма. Другими словами, нам следует понудить шейхов, решивших принять нашу сторону, угнать как можно больше табунов у тех, кто особенно активно досаждал нам. Плата должна быть за конкретную добычу. Конечно, плата щедрая. Кроме того, необходимо создать кулак из собственных конных отрядов. Пора убедить арабов, что римская длань тяжела, но справедлива.

Адриан засмеялся.

– А ну-ка, префект, покажи нам римскую длань!

Немногие в шатре удержались от смеха. Присутствующие ржали, как кони, соображая, что императорский племянник, в силу своего извращенного ума и вражды к префекту, у которого он когда-то увел наложницу, намекает на левую культю Лонга. Однако Ларций, ничуть не изменившись в лице, шагнул вперед и вскинул искалеченную левую руку. Культю завершала страшная, черненная, с длинными пальцами-кинжалами, стальная лапа. Ларций, поморщившись, здоровой рукой что-то сдвинул в протезе. Раздался щелчок – металлические пальцы внезапно сложились в кулак, и префект Лонг, повернувшись, с размаху врезал кулаком по инкрустированному слоновой костью столу.

Стол разлетелся вдребезги.

Наступила тишина. Даже Адриан притих.

– Мало коней! – продолжил префект. – Нужны две недели подготовки для моих сингуляриев, нужны мавританские всадники. Необходимо иметь не менее пяти сотен одетых в броню сарматских наемников, и мы разделаем этих бедуинов, как Аполлон разделал Марсия.

Вновь пауза. Первым ее нарушил Квиет, попытавшийся отстоять своих подчиненных, однако император, поднявшись с места, жестом прервал его:

– У тебя их возьмут ненадолго! Ты передашь Лонгу лучших. Понял?

– Так точно, непобедимый.

Сразу после претория Траян вызвал племянника в свои апартаменты и с каким-то иступленным наслаждением устроил ему выволочку. Первым делом он указал племяннику на недопустимость устраивать споры с его помощниками по вопросам, которые не входят в компетенцию наместника Сирии.

– Занимайся своими делами, – предупредил племянника стареющий Марк. – Не вздумай больше лезть со своими советами, да еще перечислять их по пунктам пока еще здравствующему императору!

²¹ Ворота, имеющие входы не на две, а на четыре стороны.

Разговор случился в присутствии Ларция, которого император за все время пути практически не отпускал от себя.

– Чего ты добиваешься? – допытывался опекун у Адриана. – Тебе мало скандалов, которые ты вызывал исключительно своими поспешными и неумными выражениями или обидными прозвищами? Если ты до сих пор не можешь избавиться от мальчишеских выходок, как ты будешь управлять империей?

– Я буду управлять империей?! – воскликнул племянник.

– Я еще ничего не решил! – решительно, властным движением руки притушил его радость Траян. – Не надейся, что ты и твои покровительницы сумеете добиться от меня поблажек. Зачем в такой трудный момент ты возбуждаешь ненужные страсти среди моих друзей? Что случится с тобой, если они найдут общий язык?

Адриан вскипел:

– Чем же я возбудил страсти? Тем, что изложил план подавления восстания?! Тем, что указал на некомпетентность твоего любимого вольноотпущенника, рисующего чудесные картины всеобщей любви к принцепсу? Замазывающему ему глаза восхвалениями пыла, который якобы испытывают легионеры?!

– Не смей! – рявкнул Траян. – Не смей осуждать человека за верность и желание помочь. Если бы ты изложил план восстания, я заткнул бы глотку любому крикуну, но тебе мало восстания. Тебе мало изложить план! Ты метишь в те еще очень неблизкие годы, когда сможешь распоряжаться Римом, как своим именем. А вот этого я допустить не могу. Как ты посмел добавить к моему эдикту о запрещении тайных обществ свое толкование? Зачем надо настаивать на переговорах с Хосроем в тот момент, когда переговоры не то что невозможны, но и могут быть приравнены к поражению?

– Разве я настаивал?

Траян удивленно и грозно глянул на воспитанника.

– Разве нет?

– Конечно нет! – разгорячился Адриан. – Я всего лишь хотел...

– Я знаю, чего ты и подобные тебе хотят. Власти! Только имей в виду, судьба моего наследства волнует меня не в меньшей, а может, и в большей степени, чем вас ваши честолюбивые потуги. Повторяю еще раз, тебе необходимо доказать, что ты способен ужиться с Квиетом, Цельзом, Пальмой, Нигрином, Констом.

Адриан неожиданно для Ларция схватился за голову.

– Подскажи, император, как мне доказать, что я более всего пекусь о благе Рима? Посоветуй, как поступить, чтобы меры, которые любой в здравом уме и трезвой памяти признает благотворными, эти... достойные граждане не называли безумными! Что я должен сделать, чтобы примириться с этими... достойными гражданами?

Ларций с неодобрением отметил про себя, что этот жест уместен скорее на сцене театра, а не в присутствии повелителя.

Опять коварство, опять насмешки! Увлечение стихами, тем более рисованием, до добра еще никого не доводило.

– Я готов первым протянуть им руку дружбы! – в том же возвышенном тоне продолжил племянник. – Я готов участвовать в дискуссии по каждому вопросу, по которому мы не можем столкнуться!

– Тебе еще дискуссии подавай! – с той же силой в голосе воскликнул император. – Симпозиум желаешь устроить на греческий манер! С красотками, эроменосами, вином не в меру. С умными разговорами!.. Какая дискуссия, когда судьба наступления на Индию висит на волоске! О чем можно договориться в ходе дискуссии, когда речь идет о власти и, значит, об основоположениях, на которых стоит государство? Грош цена всем этим дискуссиям! Если ты не согласен с самой идеей продвижения на восток, так хотя бы помалкивай, а не

кричи на весь свет – давайте начнем переговоры с Хосроем! Если ты не понимаешь таких простых вещей, их, по крайней мере, поймет такой толковый военачальник, как Цельз. Поймут Квиет, Нигрин, Конст. Пальма, наконец!..

– Ты еще вспомни Лаберия! – в тон ему ответил Адриан.

Император нахмурился.

– Опять за старое?

Адриан пожал плечами, потом жалобно воскликнул:

– Что же делать, великодушный? Скажи, как поступить?! Я безропотно исполню всякое твое повеление.

Император некоторое время молчал – видно, что-то усиленно соображал, потом в сердцах махнул рукой, приклеил напоследок племяннику – дрянной актеришка! – и вышел из зала.

Некоторое время в помещении было тихо. Наконец Адриан перевел дух и, глянув на Ларция, кивком указал в сторону двери.

– Видал?

Ларций, во время разговора имевший вполне служебно-меднолобый вид, в ответ пожал плечами. Потом неожиданно взгляд его заострился. Ему вспомнилась Зия и та коварная уловка, или, как было сказано императрицей, «шутка», которую этот «медвежонок» сыграл с ним вместе с этой беспутной. Желание отыграться, хотя бы намеком, небрежным жестом, движением бровей, внезапно до краев наполнило его. С таким приливом не поборешься! Он невзначай, запросто, как бы напоминая о том, что они долгое время считались друзьями, задался вопросом.

– Действительно, зачем?

Адриан удивленно глянул на префекта.

– Ты это к чему? – спросил он. – Я же хотел как лучше. Я всегда держусь того мнения, что плохой мир лучше доброй ссоры.

– Я не о том, наместник, – возразил Лонг.

На этот раз заострился взгляд у Публия. Он обнял префекта за плечи и повлек к окну, завершённому полуциркулярной аркой.

– Ну-ка, ну-ка? – уже у окна заинтересованно спросил он.

– Я не понимаю, зачем в письме, которое ты прислал Марку после начала восстания, упоминать о переговорах, зная, что для императора это неприемлемо? Наилучший предпочитает мириться на своих условиях. Даже в личном, предназначенном исключительно для Марка послании, это было бы неуместно, а тут публично, зная, что твое письмо будет прочитано на претории! Этот совет похож на пощечину. Я не принимаю в расчет «увещательные меры», в них, по крайней мере, был какой-то смысл. Особенно до того момента, пока не дошли известия о резне в Киренаике. В ту пору восстание вполне можно было притушить административными мерами. Но это к слову. Важно другое – я хочу понять, чего ты добиваешься, подогревая враждебные к себе настроения?

Адриан изменился в лице, снял руку с плеча, чуть отодвинулся от него. Был он на полголовы выше Лонга, разве что в плечах оба были одинаково широки.

– Это кто же меня спрашивает? – зловеще поинтересовался наместник. – Отставной префект или кто-то еще? С чьего голоса ты запел, префект?

– Я всегда говорю своим голосом. Особенно в делах, которые меня мало касаются. Исполняю приказы и верно служу отечеству. Тебя спросил римский гражданин, который трепещет в предчувствии серьезных изменений на самом верху власти.

– Ты тоже заметил? – совершенно запросто, словно не было в предыдущем вопросе ни мурлыканья тигра, ни намека на исполнение чьей-то враждебной воли, спросил наместник. – И как ты находишь дядю?

– На все воля богов, – ответил Ларций. – У него могучее здоровье. В дороге я очень беспокоился за него. Это был ужасный путь. А здесь всего через неделю он уже прежний Марк, подвижный и вдумчивый. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Ты, Ларций, всегда отличался исключительной недогадливостью, хотя в когорте исполнительных, не хватающих звезд с неба людей ты лично мною зачислен в центурию не самых глупых служак. Это подтверждает и твой вопрос. Если у тебя хватило ума задать его, значит, у тебя есть ответ. Интересно было бы знать, какой?

– Ты всеми силами пытался уйти от назначения тебя главным усмирителем восставших.

Адриан многозначительно задрал брови, всем видом показывая, что крайне удивлен подобным ответом.

Ларций, зная цену подобным заигранным жестам, продолжил:

– Ты решил остаться в стороне, предоставив другим пачкаться в крови. Пусть Квиет, Турбон, Цельз зверствуют. Пусть устраивают публичные казни и вешают мятежников вдоль дорог в количестве, превышающем все разумные пределы...

– Что ты называешь «разумными пределами»?

– Оставление жителей хотя бы на развод, а не поголовное убийство.

– В этом, Ларций, мы с тобой всегда были союзниками, и я всегда жалел и жалею, что наша дружба не столь крепка, как, например, с Лупой.

– Не будем ворошить прошлое.

– Вот ты и опять допустил бестактность, граничащую с хамством, но я прощаю тебя и мало того, дам правдивый ответ. Вдобавок, в знак уважения, поделюсь с тобой новостью, которая очень касается тебя. Но прежде ответ. Ты прав, я не хочу пачкать руки, потому что у меня есть веские доводы полагать, что с этим населением мне придется жить в дальнейшем. Ты понял меня?

Ларций кивнул. Что уж тут было не понять – Адриан уже мнил себя императором, однако знать наверняка он не мог. Не потому ли решил доверительно поговорить с человеком, который, по мнению многих, был посвящен в искомую тайну? Ее разгадки так отчаянно добивался Адриан.

– Пусть сенаторы в Риме увидят, – продолжил наместник, – кто на самом деле кроваваден без меры и кто не остановится ни перед чем в борьбе за власть. Если они из ненависти ко мне сделают вид, что подобные меры в отношении бунтовщиков вполне приемлемы, мои сторонники в сенате постараются объяснить им, что скоро – очень скоро! – будет трудно сказать заранее, кто мятежник, а кто бунтовщик. Не исключено, прибавят мои люди, что в их числе могут оказаться самые высокопоставленные лица Рима, совершившие ошибку в угадывании кандидата. В случае известного поворота событий, конечно.

– Ты имеешь в виду гражданскую войну?

– Это ты сказал. Пусть они крепко задумаются, кого следует пускать в Рим, а от кого следует держаться подальше. Ты, Ларций, не последний человек в римских банях, скажи – ты хотел бы иметь своим командиром правителя, ненасытного до крови? Или такого, как Квиет, который приказал перепилить пойманного бунтовщика пеньковой веревкой. Помнится, в Дакии ты спас от отрезания головы некоего парнишку и на мой вопрос, откуда столько человеколюбия у римского префекта, ты упрекнул меня в том, что я плохо изучил тебя и укорил тем, что даже у такого солдафона и тупицы, как ты, есть чувство жалости и сострадания? Так?

– Так, и что?

– А то, что даже у такого молокососа и щенка, как я, тоже может проснуться чувство жалости и человеколюбия. Мне будет просто жаль, если усилиями Квиета, Пальмы, Цельза и прочих замшелых пней число будущих моих подданных разом уменьшится на миллион.

– Ты забыл упомянуть Турбона.

– Нет, не забыл, но он обязан исполнять приказ, а эти убивают из порочности натуры. Кстати, ты тоже исполнил приказ. Интересно, какая причина толкнула тебя на этот безумный шаг? Тебя предупреждали, но ты, невзирая на предупреждение, тут же помчался в Азию поиграть с судьбой. Что толкнуло тебя? Присущая тебе строптивость или приверженности старомодным обычаям? Или ты решил половить рыбку в мутной воде?

Приметив возмущение, вспыхнувшее в глазах Лонга, Адриан тут же поправился:

– Согласен, упоминание о мутной воде неуместно. И все-таки?! – он помолчал, потом продолжил: – Я уважаю твой выбор и оставляю ворота своего дома открытыми для тебя. Чтобы войти в них и оказаться в объятиях щедрого и великодушного друга, тебе надо сделать самую малость. Скажи, о чем вы разговаривали с императором на берегу океана? Вы говорили о преемнике? Кто им станет? Скажи – и ты не пожалеешь об этом.

– А если не скажу? – усмехнулся Ларций.

– Тогда пожалеешь, потому что в этом случае у меня не останется причин для жалости и человеколюбия и ты не сможешь сказать, что пребывал в неведении.

Ларций усмехнулся.

– Я не могу сказать? Не было приказа.

Адриан всплеснул руками.

– Но ты, по крайней мере, подтверждаешь, что подобный разговор состоялся и Марк назвал имя преемника?

– Нет, не подтверждаю.

Адриан прищурился.

– Ты до сих пор не можешь простить мне Зию? Но ведь она вернулась к тебе, я никогда более не подойду к ней.

– Даже завладев августовым жезлом?

– Даже тогда. Это прошлая песня. Ее ведь не убывло? Кстати, я тут поговорил с квесторами, с которыми ты добирался до Азии. Занятные ребята, разговорчивые, но дураки. Не умеют держать язык за зубами. Насчет императрицы и всего прочего.

– Что же с ними случилось?

– Что случается с болтливыми дураками в преддверии великих событий?

– Ты приказал их зарезать?

– Нет, я приказал им вернуться в Рим, но вот вернутся ли они, не знаю, уж больно ветхая им досталась триера.

– Ты решил припугнуть меня? – спросил Ларций.

– Это не я сказал, – вновь отпаривовал наместник. – К сожалению, перед отплытием они дали показания, что ты, Ларций Корнелий Лонг, отставной – теперь уже и не знаю, отставной ли? – префект конницы, вел недозволенные разговоры о личной жизни цезаря.

Ларций долго, не отрывая глаз, смотрел на собеседника. Стоило ли так спешить, мчаться из Рима, лить кровь, чтобы в какой-то злополучный момент оказаться рядом с человеком, собравшимся продемонстрировать Риму жалость и человеколюбие и в то же время отправившим на дно двух безобидных болтунов? Велика ли была их вина? Ну, любили ребята прихвастнуть в компании, это же пустяк! У него провинностей перед этим здоровенным «рифмоплетом» насчитывалось куда больше. Строптивость и тупая исполнительность вполне могут привести его на плаху.

Стало тоскливо.

Ларций Корнелий Лонг повернулся и молча направился к выходу. Когда префект почти добрался до двери, наместник окликнул его:

– Ларций! Неужели ты не хочешь услышать новость, которая напрямую касается тебя?

Лонг повернулся, бросил взгляд в сторону императорского племянника. Металлические пальцы на протезе непроизвольно, со звоном распрямились. Стальная лапа стала похожа на лезвие упрятого под туникой меча.

Публий Адриан, как ни в чем не бывало, подошел к префекту.

— Два месяца назад неподалеку от Рима, на Соляной дороге, были жестоко убиты два твоих старых друга, Порфирий и Павлин. Убили их зверски, истыкали тела иудейскими ножами, вырезали внутренние органы. Мне сообщил об этом Лупа. Письмо от него пришло после того, как ты покинул Антиохию.

Ларций пожал плечами.

— Ну и что? — спросил он. — Зачем это надо евреям?

— Мало ли... — развел руками наместник. — Возможно, порочность натуры представителей этого грязного племени понудила их отправиться в ненавистную столицу Едома и там нанести городу и римскому народу смертельный удар в спину.

— Какой вред восставшим могли доставить эти два мошенника?

— Вот ты и задумайся на досуге, в чем они провинились? И причастны ли к этому убийству евреи? У тебя нет никаких соображений на этот счет?

— Не-ет... — неуверенно ответил Лонг.

— В таких делах, Ларций, — заверил его наместник, — я всегда на стороне добропорядочных граждан, и всякие таинственные посягательства на их честь и достоинство, а также на их внутренние органы прикажу пресекать в корне.

— Об этом ты объявишь в сенате, — усмехнулся Лонг.

— Это шутка или?..

— Это шутка, наместник.

Адриан нахмурился.

— У тебя всегда было плохо с юмором. Какой-то он у тебя солдатский. Тем не менее ты мне нравишься. Я не знаю, отчего мы, такие близкие по духу люди, враждуем? Ответь на мой вопрос, и я буду рад...

— Проявить щедрость и великодушие?..

Адриан от души рассмеялся.

— Значит, нет?

— Значит, нет!

Глава 7

Тем же вечером, на ночь глядя легкий на подъем наместник Сирии неожиданно собрался в обратный путь. Помпея Плотина попыталась остановить его. Император поддержал жену, на что Адриан, здоровенный, плечистый мужчина, коротко ответил в том смысле, что «учить ученого» – неблагодарное занятие, к тому же у него в Сирии на дорогах спокойно. Не в пример другим провинциям.

Император вспылil, пообещал племяннику «разобраться с ним в Антиохии». Затем тоном, не терпящим возражений, распорядился, чтобы Публий не тратил времени и немедленно занялся поисками шейхов, готовых принять помощь от иноземцев. Адриан, недовольно зыркнув на стоявшего рядом Ларция, объяснил, что он позволил себе проявить инициативу и уже провел предварительную работу. Вожди, готовые к сотрудничеству, среди арабов есть, но все они хитрюги, каких свет не видывал. Для большей убедительности ему будет необходим Ларций, особенно его железная лапа. Он заранее запасется столиками, так что Лонгу будет что крушить во время переговоров.

Он неожиданно зверски оскалился – у Ларция от такой гримасы по спине мурашки побежали, – затем подмигнул префекту.

– Помнишь, как было в Сарматии?

Затем, повернувшись к дяде и тете, объяснил:

– Стоило нашему Ларцию показать варварам свою механическую руку, пошевелить пальцами, стоило ударить бронированным кулаком по столу, как дикари тут же становились как шелковые.

Все засмеялись. Даже Ларций, ожидавший от наместника какой-нибудь пакости, невольно улыбнулся.

Тем временем Адриан вскочил на коня. Вдали в углу двора зашевелилась его личная охрана. Конь наместника – здоровенный, под стать хозяину, серый в яблоках арабский жеребец, принялся часто перебирать изящными, утонченными ногами, потом неожиданно и сластолюбиво заржал. Публий любовно стукнул его кулаком между ушей. Тот замолк и встал, как вкопанный.

Адриан неторопливо перебрал поводья и, как бы оправдывая опасения Ларция, а может, в силу необузданности натуры, и на этот раз не удержался от хамства:

– Радуйся, Ларций, тебя призвали в Азию, чтобы напоследок ты успел принять участие в героическом деянии, предпринятом римлянами. Может, в самом грандиозном за всю историю города.

Император погрозил ему кулаком. Ларций не ответил. Он с невольной завистью загляделся на коня наместника – тот вновь начал пританцовывать на месте. Между тем его хозяйка уже так разобрало, что он уже не мог остановиться.

Нависнув над Ларцием, наместник поинтересовался:

– Надеюсь, префект, ты и на этот раз привез с собой хорошенькую наложницу? – и тут же ударил жеребца каблуками.

Тот взвился на дыбы и с ходу помчался крупным, бешеным галопом. Пыль, грязь комями полетела в сторону Траяна, Помпеи и Ларция.

Траян пожал плечами, обратился к префекту:

– Ну, что с ним делать?!

У Ларция невольно сжались кулаки. Он не ответил, повернулся и направился в сторону переданной ему на постой виллы, расположенной на территории дворца.

Всю ночь, чувствуя себя уязвленным, он ворочался, не мог заснуть. Было обидно – слова Адриана угодили в самую точку. Ларцию нестерпимо хотелось женщине. В первые дни

в Азии он попытался подыскать себе рабыню, но все, к кому он приглядывался, не нравились. У той это не так, у этой – то, к тому же в душе не было хотя бы намека на ту тягу, какую он испытывал к Зие. Не говоря о Волусии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.